

ТАМБОВСКІЯ

Епархіальныя Вѣдомости.

ИЗДАНИЕ ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ.

№ 33-й.

22-го Августа 1909 года.

ТАМБОВЪ.

Электро-Типографія Губернскаго Правленія.

ТАМБОВСКИЙ ЕПАРХИАЛЬНЫЙ ВѢЩАТЕЛЬ

№ 33

Выходятъ еженедѣльно по субботамъ. Подписка принимается въ Редакціи, при Духовной Семинаріи.

22 АВГУСТ.
1909 ГОДА.

Годовая цѣна съ пересылкою и доставкой 6 р. 25 к. Подписка на время менѣе года и продажа отдѣльныхъ номеровъ не допускаются.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ И ИЗВѢСТІЯ.

Опредѣлены: на священническое мѣсто къ церкви села Савостьянова, Елатомскаго у., окончившій курсъ Тамбовской Духовной Семинаріи **Василій Алешковскій**, 11 августа; на псаломщическое мѣсто къ Троицкой церкви г. Липецка окончившій курсъ той же Семинаріи **Михаилъ Архангельскій**, 5 августа.

Перемѣщены: согласно прошеніямъ—псаломщикъ Соборной церкви г. Козлова, **Никаандръ Запалатовскій**, къ Соборной церкви

г. Моршанска, а на его мѣсто діаконъ с. Куликова, Темниковскаго у., Павелъ Несмѣловъ, 9 августа.

Уволенъ за штатъ: согласно прошенію, священникъ с. Кочетовки, Тамбовскаго у., Аѳанасій Разказовскій, 14 августа.

Исключаются изъ списковъ: за поступленіемъ на свѣтскую службу, исаомщика: Христорожественской церкви г. Лебеяни, Александръ Кременецкій, 9 августа, и с. Нивольскаго, Уманскаго у., Митрофанъ Архангельскій, 11 августа.

Назначены на должности: благочиннаго Темниковскаго городского округа священникъ *Павелъ Проценталовъ*; помощникъ благочиннаго того же округа священникъ *Димитрій Постыловъ*; духовно-судебнаго слѣдователя 3 Лебеянскаго округа, священникъ о. Сезенова *Василій Гняжискій*.

Уволенъ, согласно прошенію, отъ должности благочиннаго Темниковскаго городского округа протоіерей Алексій Царевскій.

П И С Ъ М О

Предсѣдательницы Комитета Общества по призрѣнію дѣтей лицъ, погибшихъ при исполненіи служебныхъ обязанностей, графини Шуваловой, на имя Преосвященнѣйшаго Иннокентія, Епископа Тамбовскаго и Шацкаго, отъ 24 іюля 1909 г. № 1289.

Ваше Преосвященство,

Милостивый Архипастырь.

Св. Синодъ опредѣленіемъ, отъ ⁵/₁₆ мая с. г. за № 4013, разрѣшилъ произвести въ текущемъ году, въ день Усѣкновенія главы Крестителя Іоанна, 29 августа, во время утрени и литургіи, а равно и наканунѣ, во время всеобщаго бдѣнія, тарелочный въ пользу Общества сборъ во всѣхъ церквахъ Имперіи.

Сборъ этотъ поступитъ на призрѣніе дѣтей лицъ, погибшихъ при исполненіи служебныхъ обязанностей, подробно указанныхъ въ § I-мъ Устава Общества. Все это дѣти низшихъ служащихъ, павшихъ жертвами своего долга и оставившихъ свои семьи безъ всякихъ средствъ къ жизни. Наше Общество задалось цѣлью придти

на помощь этимъ обездоленнымъ сиротамъ, давъ имъ возможность вырасти такими же честными тружениками и вѣрными слугами Родины, какими были ихъ отцы, а для этого необходимы обширныя средства. Однимъ изъ источниковъ и является упомянутый тарелочный сборъ, но, конечно, при условіи его дѣйствительнаго и успѣшнаго производства.

Любвеобильному Архипастырскому сердцу Вашего Преосвященства участь несчастныхъ сиротъ ближе, чѣмъ кому-либо. Это вселяетъ мнѣ убѣжденіе, что и задачи нашего Общества не останутся также ему чужды, а потому считаю долгомъ обратиться съ покорнѣйшею просьбою не отказать съ своей стороны въ высокомъ и авторитетномъ содѣйствіи къ тому, чтобы церковныя причты отнеслись внимательно къ разсылаемымъ при Церковныхъ Вѣдомостяхъ обращеніямъ Комитета Общества и приложили возможные старанія и все свое вліяніе къ успѣшному производству сбора.

Вмѣстѣ съ симъ позвольте просить благословенія Вашего Преосвященства на то, чтобы во избѣжаніе излишнихъ почтовыхъ расходовъ собранныя суммы о.о. Настоятелями церкви представлялись, при соотвѣтствующихъ актахъ, о.о. Благочиннымъ, а сими послѣдними направлялись *въ Комитетъ Общества (С.-Петербургъ, Надеждинская ул., д. 32, кв. 6).*

На семь писемъ резолюція Его Преосвященства 12 Августа 1909 года послѣдовала: *„Письмо отпечатать къ свѣдѣнію настоятелей храмовъ и благочинныхъ для отсылки сбора по принадлежности“.*

СПИСОКЪ

свободныхъ священно-церковно-служительскихъ мѣстъ по Тамбовской епархіи.

Священническія мѣста:

- 1) При церкви с. Оедаева, Шацкого у.
- 2) При церкви с. Бочетовки, Тамбовскаго у., свободно съ 14 августа; причта по штату положено: два священника, діаконъ и два псалмщика, земли 66 десят., д. м. п. 2125.

Діако́нскія мѣста:

- 1) При церкви с. Колтырина, Шацкого у.
- 2) При церкви с. Подгорнаго, Борисоглѣбскаго у.
- 3) При церкви с. Куликова, Темниковскаго у., свободно съ 9 августа; причта по штату положено: священникъ, діаконъ и псаломщикъ, земли 54 десят., д. м. п. 1270.

Псаломщическія мѣста:

- 1) При Вознесенской церкви г. Спасска.
- 2) При церкви с. Щербатовки, Елатомскаго у.
- 3) При церкви с. Ново-Никольскаго, Уманскаго у.
- 4) При церкви с. Старой Пичиморги, Спасскаго у.
- 5) При церкви с. Темирева, Елатомскаго у.
- 6) При Христорождественской церкви г. Лебедяни.
- 7) При церкви с. Никольскаго, Уманскаго у.

Отъ Правленія Тамбовской Духовной Семинаріи.

Правленіе Семинаріи симъ доводитъ до свѣдѣнія воспитанниковъ Семинаріи и ихъ родителей, что прошенія о приѣмѣ на казенное содержаніе, о назначеніи стипендій и пособій, а равно объ освобожденіи отъ платы за право обученія инословныхъ воспитанниковъ должны быть поданы на имя Ректора Семинаріи не позже 10 сентября сего года. Къ прошеніямъ должны быть приложены удостовѣренія о семейномъ и матеріальномъ положеніи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ непремѣнно должны быть сдѣланы установленные взносы въ Правленіе Семинаріи по 25 р. за полугодіе съ казеннокоштныхъ воспитанниковъ, родители которыхъ состоятъ на службѣ.

Отъ подачи прошеній освобождаются казеннокоштные воспитанники-сироты, кромѣ вновь поступающихъ, которые также обязаны подавать прошенія.

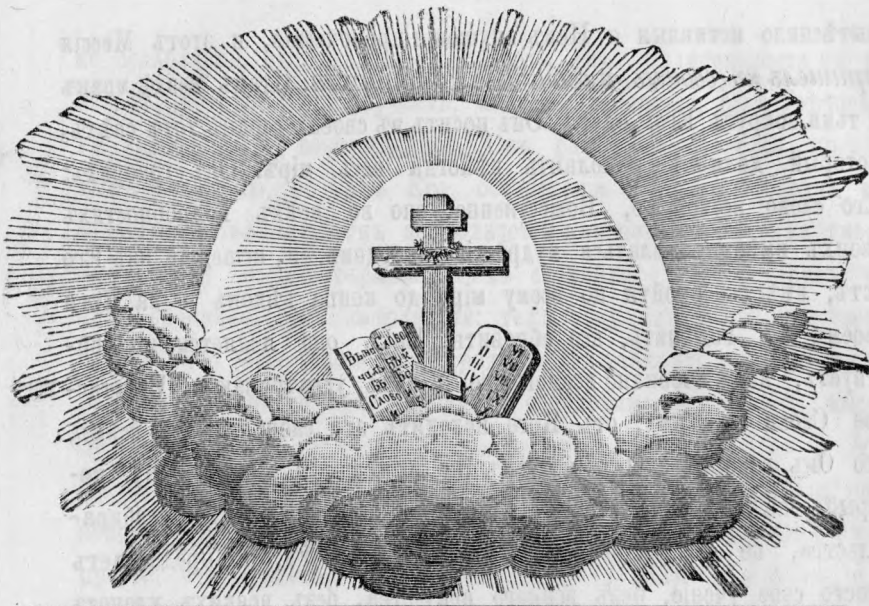
И. д. Рек., Инспек. Семинар. *Александръ Ржавенскій.*

Секретарь Правленія *А. Нечаевъ.*

Содержаніе. Отдѣлъ **официальный**. I. Епархіальныя распоряженія и извѣстія. II. Письмо. III. Списокъ свободн. священно-церковно-служит. мѣстъ въ Тамбовской епархіи.

Редакторъ, Секретарь Консисторіи *А. Андриевскій.*

Цензоръ, Протоіерей *И. Успенскій.*

№ 33. | ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ | 1909 г.

О лицѣ Іисуса Христа.

(Продолженіе).

Что же? я опять спрашиваю: Тотъ, Чье слово произвело въ міръ такое преобразование и распространеніе истины, ужели простой человѣкъ, наслѣдовавшій невѣжество и заблужденіе, общее достоиніе сыновъ Адамовыхъ, или Онъ творецъ истины, самая истина? И по какимъ другимъ признакамъ мы признали бы истину?

Интересно для разума человѣческаго перенестись въ тотъ моментъ, когда эта все-возраждающая истина явилась первый разъ въ міръ, и представить ее себѣ еще заключенною въ ея Виновникѣ. Какъ она тогда начинаетъ проявляться признаками, свойственными ея небесному происхожденію, какъ она свѣтитъ среди тьмы, которая не принимаетъ ея. Вездѣ царствуетъ эта тьма на землѣ, и въ частности она царствуетъ въ Иудеѣ, гдѣ ложное понятіе о Мессіи, приобрѣтши преобладающее вліяніе, окончательно

вытѣснило истинныя о Немъ внушенія пророческія, и этотъ Мессія *пришелъ къ своимъ, и свои Его не приняли.* Итакъ вездѣ кракъ и тьма вокругъ Его: одинъ Онъ носитъ въ своемъ сердцѣ тотъ свѣтъ, который долженъ наполнить нѣкогда весь міръ. Онъ говоритъ: Его слово всемогуще, Вожественно; оно во всѣхъ подробностяхъ своихъ имѣеть сдѣлаться мудростію народовъ, и, исшедши изъ Его усть, имѣеть пройти по всему міру до конца вѣковъ и на пути своемъ все измѣнить, все обновить. Какъ оно является и дѣйствуетъ, какъ очевидно всемогущее, и какъ усматриваютъ Впостасное Слово въ Томъ, отъ Кого исходитъ это слово, и что всѣмъ, что Онъ говоритъ, Онъ обязанъ не людямъ, а своему Отцу, который—на небесахъ. Іисусъ Христосъ не входитъ въ разбирательства, не рассуждаетъ, не разглагольствуетъ; но предлагаетъ просто свое ученіе, безъ всякаго искусства, безъ всякихъ хлопотъ и подготовленій, даже безъ озабоченности не быть понятымъ, съ довѣрчивымъ простосердечіемъ и искренностію, подобно тому, какъ земледѣльцы бросаютъ сѣмена въ землю съ полною увѣренностію, что она сама въ себѣ имѣеть силу тотчасъ сообщить произрастаніе. Когда человѣкъ обучаетъ человѣка, онъ обыкновенно старается показать ему слѣды усилій, при которыхъ самъ получилъ образованіе, и ведетъ его къ цѣли путемъ умозаключеній, который снова проходитъ вмѣстѣ съ своимъ ученикомъ и, съ обученіемъ его, самъ утверждаетъ въ своихъ познаніяхъ. А если онъ говоритъ по вдохновенію, онъ же первый имъ возбуждается, увлекается, отдается ему всѣмъ существомъ своимъ, и его слово теряется въ образахъ, неспособныхъ выразить открытую истину, какъ предметъ наблюденія для насъ необычайный. Совершенно иное представляется намъ въ Іисусѣ Христѣ. Не видно и слѣдовъ, откуда у Него званіе: оно не представляется въ Немъ ни заимствованнымъ отъ людей, ни полученнымъ по вдохновенію, но естественнымъ плодомъ единственно Его собственной мысли, самую Его мыслью, пребывающею въ раздѣльномъ единеніи съ Его Отцемъ. Отъ того ничто

не ослабляетъ, ни возвышаетъ полноты Его убѣдительности въ той истинѣ, которой Онъ научаетъ, ни прогивоборство, ея встрѣчаемое ни увлеченіе, ея возбуждаемое. Онъ одинъ не является преданнымъ увлеченію, не тамъ Его обезпеченіе. Вполнѣ обладая высочайшими тайнами, Онъ не волнуется ими подобно другимъ смертнымъ, кому Богъ отрываваетъ ихъ случайно. Онъ говоритъ объ нихъ спокойно, безъ напряженія; такъ Ему истина эта естественно близка, что Онъ, кажется, и родился съ тайнами, которыя открываетъ. Даже часто Онъ находитъ необходимымъ умѣрять высоту своего ученія и подчинять опредѣленной мѣрѣ то, *что у Него было безъ мѣры* (Гован. 3, 34), чтобы могла понести то наша немощь. Онъ говоритъ о самыхъ важнѣйшихъ предметахъ такъ просто, что кажется, будто Онъ и не думалъ объ нихъ, и за всѣмъ тѣмъ столь ясно, что совершенно очевидна Его подлинная о томъ мысль; эта-то ясность въ соединеніи съ такою непринужденностію и составляетъ предметъ удивленія: какъ царь, или царственный наслѣдникъ, рожденный, и проводящій жизнь среди царскаго величія и пышности, говоритъ о нихъ безъ всякой напыщенности, какъ о предметахъ для него слишкомъ обыкновенныхъ и естественныхъ; такъ Иисусъ Христосъ говоритъ о царствѣ небесномъ, о Богѣ Отцѣ своемъ, объ Ангелахъ, о вѣчности, правосудіи и милосердіи, о жизни и смерти. И это не для того, чтобы оправдать свое знаніе объ этихъ предметахъ, или представить ихъ образецъ; но потому, что таково Его призваніе, такова истина. Даже тогда, когда Онъ облакаетъ свою мысль въ образы, они у Него такъ просты, такъ обыкновенны и естественны, что и самые предметы, ими образуемые, въ самомъ дѣлѣ, для Него просты, обыкновенны и естественны. *„Царство небесное подобно зерну горчичному, которое взялъ человекъ и посѣялъ на полѣ своемъ. Какое обыкновенное уподобленіе! Кто изъ васъ, имѣя сто овецъ и потерявъ одну изъ нихъ, не оставитъ девяносто девяти въ пустынь и не пойдетъ за пропазтею, пока не найдетъ ее?“*

А нашедши, возметъ ее на плеча свои съ радостію, и, пришедши домой, созоветъ сосѣдей и друзей и скажетъ имъ: порадуйтесь со мною; я нашелъ свою пропавшую овцу.... Или еще: какая женщина, имѣя десять драхмъ, если потеряетъ одну драхму, не зажжетъ свѣчи, и не станетъ мести комнату, и искать тщательно, пока не найдетъ? А нашедши, созоветъ подругъ и сосѣдокъ и скажетъ: порадуйтесь со мною; я нашла потерянную драхму. Вотъ, говорить Онъ, образъ Отца вашего небеснаго. Такъ бываетъ радость у Ангеловъ Божіихъ и объ одномъ грѣшникѣ кающемся (Лув. 15, 4—10). Какое Божественное величіе въ этой простотѣ! Какъ величественны сами по себѣ эти идеи о благодати Божіей и Его милосердіи, и немощи человѣка и его недостойнствѣ! И какъ очевидно, что Тотъ, Чья попечительная благодать представляетъ эти идеи столь доступными человѣку и говоритъ о нихъ такъ просто, и есть самъ тотъ человѣкъ, который идетъ искать погибшую овцу,—та жена, которая ищетъ потерянную драхму, что Онъ есть Богъ Спаситель!

Это доказательство раскрыто нами не для ума и логическаго разсудка, а для чувства нравственнаго, для внутреннѣйшаго смысла, въ глубинѣ духа нашего инстинктивно понимающаго истину; и горе тому, у кого оно недоступно ея вліяніямъ.

5. Впрочемъ мы имѣемъ самое высшее доказательство истинности Божества Іисуса Христова въ Его исповѣданіи, которое Онъ самъ лично выражалъ о себѣ неоднократно. Вездѣ Онъ говорилъ о себѣ, что Онъ есть *Христосъ, Сынъ Бога живаго, — истина, — начало, — свѣтъ міра, — жизнь вѣчная, — Мессія, обѣщанный отъ начала міра, — Спаситель* рода человѣческаго.

Мало того, что Онъ усваиваетъ себѣ имена Божіи, но Онъ еще обнаруживаетъ въ себѣ свойства Божескія и защищаетъ свои Божескія права. Это составляетъ сущность всѣхъ Его рѣчей, цѣль всѣхъ Его дѣлъ и всего образа Его жизни; такой образъ дѣй-

ствованія Онъ сохраняетъ даже въ продолженіе своихъ страданій, до смерти и даже послѣ смерти. Онъ не почиталъ съ своей стороны хищеніемъ показывать Себя равнымъ Богу, говоритъ св. Ап. Павелъ: *не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу* (Фил. 2, 5).

И вотъ теперь неопровержимыя слѣдствія, которыя изъ всего этого должно вывести.

Или Онъ говорилъ истину, или ложь: если—истину, то Онъ Богъ, если же—ложь, то Онъ обманщикъ или безумный (да простить мнѣ Господь эту страшную дилему! мое сердце изглаждаетъ ее въ себѣ, по мѣрѣ того, какъ рука ее пишетъ).

Невозможно найти для себя средину между этими двумя крайностями, чтобы на ней остановиться. Одни и тѣже доказательства, если тверды и прочны, ведутъ къ истинѣ, что Иисусъ Христосъ есть Богъ; а если непрочны, подтверждаютъ мысль, что Онъ обманщикъ или безумный.

„Какъ Иисусъ Христосъ обманщикъ, Иисусъ Христосъ безумный! вопіеть самъ невѣрующій. Не заставляйте меня провозносить эти слова; прочь отъ меня эта хула! Вы возмущаете всѣ мои чувства, весь мой разумъ; скорѣе я признаю себя самого безумнымъ: позвольте мнѣ видѣть въ Немъ великаго философа, человѣка отличной мудрости, праведнаго друга Божія, благодѣтеля человѣческаго рода, достойнаго всего нашего почтенія, всей нашей признательности!“

Нѣтъ, *кто не со Мною*, говоритъ самъ Иисусъ Христосъ, *тотъ противъ Меня*: такъ безусловна и непреложна Его воля, чтобы признавали Его тѣмъ, за кого Онъ Самъ себя вылаетъ, *равнымъ Богу*. Онъ не принимаетъ того уваженія, которое не восходитъ до подобающаго Богу благоговѣнія предъ Нимъ; самъ Онъ соглашается, чтобы считали Его за богохульника и безумнаго, если Онъ—не Богъ. Обратите вниманіе на Него въ рукахъ Его враговъ, которые обманывались на счетъ Его, и, лицемѣрно прибѣгая къ защищаемому Имъ Божественному Его достоинству,

закрываютъ Ему глаза, ударяютъ по лицу и спрашиваютъ Его, говоря: *прореки, кто ударилъ Тебя!* (Лук. 22, 64). Послѣ цѣлой ночи, прошедшей въ такихъ жестокихъ глумленіяхъ, съ наступленіемъ дня, говоритъ евангельская исторія, собрались старѣйшины народа Іудейскаго, первосвященники и книжники, и, приказавъ ввести Его въ свой синедрионъ, сказали Ему: *Ты ли Христосъ? скажи намъ.* Онъ отвѣчалъ имъ: *если скажу вамъ это, вы не поверите Мнѣ и не отпустите Меня.* Но отселѣ Сынъ человѣческій возсядетъ одесную силы Божіей. Тогда сказали Ему всѣ: *и такъ ты Сынъ Божій?—Вы говорите, что Я* (или: вы это говорите: Я таковъ есмь). Они же сказали: *вакое еще нужно намъ свидѣтельство, когда мы слышали это изъ устъ Его?* (Лук. 22, 64. 71).

Подобнымъ образомъ, когда привели Его предъ первосвященника и нѣкоторые изъ толпы обвиняли Его въ присвоеніи Имъ себѣ Божескаго могущества; то первосвященникъ, вставъ, сказалъ Ему: *„Чтоже не отвѣчаешь ничего на то, что они противъ Тебя свидѣлствуютъ?“* Іисусъ молчалъ. Тогда Первосвященникъ сказалъ Ему: *заклинаю Тебя Богомъ живымъ, скажи намъ, Ты ли Христосъ, Сынъ Бога живаго?* Іисусъ отвѣчалъ ему: *Ты сказалъ это; даже сказываю вамъ: отнынѣ узрите Сына человеческого, сядущаго одесную силы и грядущаго на облакахъ небесныхъ.* Тогда Первосвященникъ раздралъ одежды свои и сказалъ: *Онъ богохульствуетъ; на что намъ еще свидѣтелей? Вотъ теперь вы слышали богохульство Его. Какъ вамъ кажется? А они сказали въ отвѣтъ: повиненъ смерти.* Тогда плевали Ему въ лице и заушали Его* (Мат. 26, 61—67). *)

*) Это не единственный только случай во время страданія, когда объявленіемъ о Божествѣ Его возбуждается ярость іудеевъ противъ Іисуса Христа, но такъ случалось въ продолженіи всей Его жизни. Смот. особ. Еван. Іоан. 5, 8. 10.

Если Иисусъ Христосъ не есть Богъ, то Первосвященникъ правъ: онъ имѣлъ основаніе признать Его богохульникомъ. Самъ Иисусъ Христосъ не противорѣчитъ этому приговору; Онъ переноситъ его, какъ слѣдствіе ослѣвленія іудеевъ, которые не хотѣли видѣть въ Немъ Бога. Единственною защитою у Него было сказать, что Онъ дѣйствительно Богъ. Ему не повѣрили: потому безспорно Его слѣдовало уже осудить не иначе, какъ дерзкаго богохульника: все прочее—прямое слѣдствіе этого обстоятельства. Но это положеніе Іисуса Христа предъ Первосвященникомъ еще и теперь и всегда будетъ тоже самое, въ какомъ только Онъ можетъ быть предъ судомъ разума; и невѣріе нашего времени, постановленное въ необходимость произнести свой приговоръ о Его лицѣ, должно сойтись неизбѣжно съ приговоромъ іудеевъ.

Мнѣніе, по которому, не признавая въ Іисусѣ Христѣ Бога, хотѣли бы оставаться при мысли о Немъ, какъ о великомъ мудрецѣ, явилось уже поздно. Источникъ его мы найдемъ скоро. А пока довольно сказать, что оно открыто отвергаемо было единодушнымъ судомъ объ Іисусѣ Христѣ, древле произнесеннымъ какъ Его друзьями, такъ и врагами.

Такимъ образомъ, даже слѣдовъ подобнаго сужденія мы не находимъ нигдѣ въ современныхъ свидѣтельствахъ объ Іисусѣ Христѣ. Ближніе Іисуса Христа, по замѣчанію Евангелиста *), вообразили себѣ, что Онъ вышелъ изъ себя, потерялъ разсудокъ. Іудеи въ послѣдствіи хотятъ выдать Его за обманщика. Апостолы исповѣдуютъ Его Сыномъ Божиимъ и Богомъ истиннымъ. Къ этимъ-то тремъ сужденіямъ сводится все, что говорили о Немъ современники, и четвертаго предположить нельзя.—Замѣчаніе это принадлежитъ Д'Агессо, и онъ прибавляетъ: два первыхъ мнѣнія, очевидно, ложны; слѣдовательно, третье—истинно“.

Впослѣдствіи, въ продолженіе первыхъ вѣковъ, міръ раздѣлялъ два сужденія объ Іисусѣ Христѣ: одни вѣровали въ

*) Мар. 3. 21.

Него, какъ Бога, другіе считали Его обманщикомъ. Этотъ послѣдній характеръ видѣли въ Немъ всѣ отрицавшіе Его Божество, какъ это очевидно изъ сочиненій не только іудеевъ, но и язычниковъ—философовъ, каковы Цельсъ, Порфирій, Юліанъ и друг.

Въ сужденіяхъ, близкихъ современникамъ Иисуса Христа, нигдѣ не видимъ подобнаго тому, какое мы теперь изслѣдуемъ, т. е. чтобы Его признавали за мудреца. Да, замѣчательно, что нѣкоторые изъ язычниковъ, не будучи въ состояніи противустоять впечатлѣнію, производимому на нихъ Его Божествомъ, не желяя воздавать Его Божеству подобающаго Ему истиннаго поклоненія (для чего надлежало сдѣлаться совершенными христіанами), включали Его въ число своихъ боговъ *). Такъ, значитъ, при строго логической послѣдовательности трудно было признать Его только за простаго великаго человѣка.

Знаю, что нынѣшнее невѣріе, чтобы уклониться отъ этого строгаго выбора одного изъ двухъ, хотѣло сдѣлать выборъ одного изъ трехъ въ жизни Иисуса Христа. Оставляя въ сторонѣ Евангельскія повѣствованія, относящіяся къ догматамъ и особенно къ чудесамъ, оно хотѣло бы держаться только одного Его ученія нравственнаго, чтобы не имѣть никакого дѣла съ чѣмъ либо сверхъестественнымъ и видѣть въ Иисусѣ Христѣ только виновника ученія человѣческаго. Но такой умыселъ не терпимъ, и во всякомъ другомъ дѣлѣ его назвали бы по справедливости безуміемъ. Откуда взяли, что Евангеліе въ извѣстномъ отношеніи истинно, а въ другомъ—ложно? И на какомъ основаніи дѣлается это различіе

*) Лампріидій говоритъ объ Александрѣ Северѣ, что „онъ хотѣлъ построить храмъ Христу и включить Его въ число боговъ“. Онъ же замѣчаетъ, что Александръ имѣлъ *два божниці* въ своемъ императорскомъ дворцѣ: одна была не что иное, какъ зала, назначенная для бюстовъ великихъ людей,—это музей, не имѣвшій религіознаго характера. Истинная божница, въ которой Александръ поклонялся Иисусу, была посвящена богамъ. Virgilium in secundo larario habuit, ubi Achillis et magnorum virorum. Sed in larario majore, inter divos Jesum“.... Это различіе важно.

между истиннымъ и ложнымъ въ немъ съ такою точностію, что смыслъ и мѣста того и другого благоприятствуютъ невѣрію? Откуда извѣстно, что все въ немъ, составляющее догматы, необходимо должно считать символами, а все чудесное—легендами, и только то въ немъ дѣйствительно и несомнѣнно, что относится къ его сторонѣ нравственной? Есть ли хоть чтонибудь въ Евангеліи, что доказывало бы и давало право на то? Не съ одинаковымъ ли увѣреніемъ, не съ одинаковыми ли признаками истины св. писатели передаютъ въ Евангеліи, какъ слѣдующее, напр., наставленіе Іисуса Христа: *якоже хотите да творятъ вамъ чело-вѣцы, и вы творите имъ такожде*; такъ и указаніе Его на свою Божескую власть: *дадеся Ми всяка власть на небеси и на земли*, или обнаруженіе этой власти на дѣлѣ: *Лазаре! встань*! Если признаете за истину Евангельскую первое изреченіе, то почему не признаете также за истину и двухъ другихъ? Или: если отрицаете истинность двухъ послѣднихъ изреченій, то на какомъ основаніи оставляете ее за первымъ? И почему не сказать уже рѣшительно, что въ Евангеліи все ложно, что Іисусъ Христосъ не говорилъ ни того, ни другого, что Онъ вовсе и не существовалъ и что четыре какихъ-то писателя согласились между собою изобразить характеръ вымышленный для обмана всего рода человеческого?

Таково, въ самомъ дѣлѣ, должно быть слѣдствіе, если Евангеліе, по своему содержанию, не можетъ быть раздѣляемо на счетъ достовѣрности и истинности. Оно подобно хитону Іисуса Христа, безъ швовъ. Все въ немъ—и правила нравственныя, и догматы, и чудеса переплетены и сотканы между собою, одни для другихъ взаимно служатъ то поводомъ, то причиною, такъ что составляютъ собою одну непрерывную ткань, изъ которой нельзя вытянуть и одной нити, не разорвавши цѣлой ткани. Пусть ихъ вытягиваютъ на удачу, какъ хотятъ, а надо или все принять, или все отвергнуть.

Здѣсь считаю нужнымъ замѣтить, что я еще не доказываю истинности того, что говорилъ Иисусъ Христосъ, напр., того, что Онъ дѣйствительно есть Сынъ Божій, а—только, что Онъ говорилъ: *Я—Сынъ Божій*, или того, что Онъ воскресилъ Лазаря, а—только, что Онъ сказалъ: *Лазаре, гряди вонъ!*... и пр. Послѣ этого я предоставляю вамъ, на минуту, думать, что Онъ не Сынъ Божій, и не воскресилъ Лазаря. Но очевидно, что говорилъ и какъ дѣйствовалъ Иисусъ Христосъ въ этихъ двухъ случаяхъ, равно и во всѣхъ другихъ подобныхъ, написано съ тѣмъ именно намѣреніемъ, чтобы понимали и принимали это буквально, съ такою же строгостію, какъ—и то, когда говорится, что Онъ сказалъ: *блаженни плачущіе*, или лучше: *уже есть безъ грѣха въ васъ, перене верзи камень на ню* (Іоан. 8, 7).

Надобно прибавить, что въ этихъ составныхъ частяхъ своихъ истинность Евангелія никогда не была оспариваема, и ни іудеи, ни язычники никогда не поднимали вопроса о томъ, будто Иисусъ Христосъ только хотѣлъ *выдавать себя за Бога*, или будто Онъ только хотѣлъ *казаться творящимъ чудеса*. Все это было безспорно признаваемо, всѣ были въ этомъ отношеніи согласны, и это согласіе, въ совокупности съ предыдущимъ, должно, наконецъ, поставить въ предѣлы невѣрія, если только нужно отказаться отъ словопренія съ нимъ.

Теперь я опять возвращаюсь къ моему доказательству и говорю: простой смертный, рѣшившійся выдавать себя за Бога, есть ни больше, ни меньше, какъ обманщикъ, а если Онъ, для довершенія своего обмана, прибѣгаетъ къ ложнымъ чудесамъ, въ такомъ случаѣ Онъ дѣлается низкимъ шарлатаномъ, наглымъ обманщикомъ.

Начало это безспорно, и кто не сознаетъ и не чувствуетъ всей строгой, логической необходимости его, тотъ уже—полувѣрующій; въ немъ остатокъ вѣры заставляетъ отвергать это начало изъ

боязни приложенія его къ Іисусу Христу; такое невѣріе еще нерѣшительно, оно страшится еще своего собственнаго мрака. Голова у подобнаго рода людей страдаетъ логическою недослѣдовательностію; съ ними трудно вести основательное собесѣдованіе.

Но для истинно-вѣрующаго и всецѣло невѣрующаго принятіе этого начала должно быть безпрекословно: для перваго, потому что при его вѣрѣ оно безъ приложенія къ Іисусу Христу,—для втораго, потому что онъ понимаетъ Іисуса Христа не больше, какъ простаго смертнаго.

Итакъ, принявъ это безспорное начало, пусть раскроютъ Евангеліе и прослѣдятъ его, если могутъ, хладнозриво и единственно имѣя въ виду приложеніе этого начала. Пусть прямо приступаютъ къ дѣлу съ мыслию, что Іисусъ Христосъ не есть Богъ, и пусть дадутъ себѣ строгій отчетъ въ истинномъ свойствѣ тѣхъ чувствъ, какія должно возбуждать въ душѣ чтеніе тѣхъ мѣстъ, гдѣ Онъ усволяетъ Себѣ Божескія имена, Божескія права и власть. Напримѣръ: Іисусъ Христосъ исцѣляетъ разслабленнаго въ день субботній; іудеи обвиняютъ Его въ нарушеніи законнаго покоя въ этотъ день. Въ отвѣтъ имъ Іисусъ Христосъ говоритъ: *Отецъ Мой доселѣ дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю* (Іон. 5. 17). То - есть: „Отецъ Мой, Котораго промыслительная дѣятельность всегда необходима въ мірѣ, не знаетъ субботы. Такова же и моя дѣятельность.“ Іудеи поняли эти слова въ ихъ прямомъ и естественномъ смыслѣ, и еще болѣе возстали противъ Іисуса Христа съ намѣреніемъ убить Его за то, что Онъ съ нарушеніемъ субботы соединяетъ еще дерзкое богохульство, утверждая, что Отецъ Его есть Богъ, и Себя выставляя равнымъ Богу: *равенъ Ся творя Богу* (—18). Что отвѣчаетъ имъ Іисусъ Христосъ? Не отступаетъ ли на путь этихъ святотатственныхъ уподобленій? Выслушаемъ: *аминь, аминь глаголю вамъ: не можетъ Сынъ о Себѣ творити ничего, аще не еже ви-*

дитъ Отца творяща, яже бо Онъ творитъ, сія такожде и Сынъ творитъ. Самъ бо Отецъ любитъ Сына и вся показываетъ Ему, яже Самъ творитъ: и больше сихъ покажетъ Ему дѣла, да вы чудитесь. Якоже бо Отецъ воскрешаетъ мертвыя и живитъ, тако и Сынъ, ихъ же хочетъ, живитъ. Отецъ бо не судитъ никомуже, но судъ весь даде Сынови; да вси чтутъ Сына, якоже чтутъ Отца, а иже не чтитъ Сына, не чтитъ Отца, пославшаго Его..... Не дивитесь сему, яко грядетъ часъ, въ онъже вси, сущіи во гробѣхъ, услышатъ гласъ Сына Божія, и изыдутъ сотворшіе благая въ воскрешеніе живота; а сотворшіе злая— въ воскрешеніе суда.

Вложите эти слова въ уста вому угодно другому, кромѣ Іисуса Христа; вообразите, что вы ихъ слышите въ первый разъ и скажите, признаете ли вы говорящаго о себѣ такимъ образомъ въ здоровомъ умѣ? Или: если при всемъ томъ не въ правѣ будете отказать такому человѣку въ здоровомъ смыслѣ,—не возмутится ли до глубины души ваша такимъ отвратительнымъ обманомъ, такую святотатственною гордостію? И если, наконецъ, вы увидите, что этотъ человѣкъ прибѣгаетъ къ штукамъ шарлатанства, къ ложнымъ чудесамъ для того, чтобы придать вѣроятность своимъ нечестивымъ притязаніямъ; если увидите, что обманутая чернь слѣдуетъ за нимъ, вездѣ аплодируетъ ему, боготворитъ его и самое мрачное заблужденіе, самое грубое суевѣріе овладѣваетъ воображеніемъ всѣхъ, попираетъ всѣ права разума и истины: то скажите, каково было бы ваше негодованіе, вашъ ужасъ противъ этого дерзкаго искусника въ такомъ возмутительномъ обманѣ?

Теперь представьте себѣ, что вы, преодолевая возбужденное въ васъ отвращеніе и увлекаемые любопытствомъ узнать, до чего простирается его безуміе или наглость, пробираетесь чрезъ толпу и въ ту самую минуту видите, что онъ раздаетъ своимъ

невѣжественнымъ ученикамъ хлѣбъ и вино и ведетъ такую рѣчь: „примите, ѣшьте,—это Мое тѣло, пейте его всѣ,—это Моя кровь. Я васъ увѣраю, что Мое тѣло есть истинная пища, и Моя кровь есть истинное питіе. Кто не ѣстъ Моего тѣла и не пьетъ Моей крови, тотъ не будетъ имѣть жизни въ себѣ. Я—живой хлѣбъ, сходящій съ неба“....

Что до меня,—признаюсь,—я не знаю,—съ чѣмъ сравнить отвращеніе: какимъ переполнится моя душа отъ такого зрѣлища!

Но вотъ обстоятельство, которое доводитъ до послѣдней крайности это отвращеніе: этотъ обманщикъ постоянно говоритъ объ истинѣ, называетъ самого себя истинною и гремитъ, какъ сама Истина, противъ лицемѣровъ и обманщиковъ. Чѣмъ лучше, возвышеннѣе и привлекательнѣе были бы его правила нравственныя, тѣмъ въ высшей степени дѣлали бы они преступною низость его притязаній и дѣйствій, и, повидимому, располагая въ его пользу, на самомъ дѣлѣ они служили бы только къ тому, чтобы придать ему вполне характеръ лицемѣрія и лжи.

(Продолженіе будетъ).

Посланія Апостольскія.

(Продолженіе).

16. Къ Галатамъ посланіе Св. Ап. Павла.

Галатяне населяли обширное пространство въ Малой Азій, между Каппадокією и Фригією. Вѣра Христова насаждена была тамъ трудами Ап. Павла (Гал. 1, 6. Дѣян. 16, 6. 18, 23). Галатійская Церковь состояла изъ обратившихся іудеевъ и язычниковъ, изъ коихъ нѣкоторые скоро уклонились отъ чистоты ученія Христова и извратили сущность Евангелія. Виновниками сихъ заблужденій были іудействующіе лжеучители, которые утверждали, между прочимъ, будто Павелъ—не Апостоль Христовъ, а

только проповѣдникъ, посланный отъ Церкви Иерусалимской. Чтобы опровергнуть это ложное мнѣніе и утвердить галатянъ въ томъ главномъ началѣ христіанскаго ученія, что грѣшниковъ оправдываетъ предъ Богомъ только вѣра въ искупительную жертву, яко агница, непорочна и пречиста Христа,—Апостоль написалъ къ нимъ сіе Посланіе, около 53 г. По главному предмету это Посланіе очень много сходствуетъ со 2-мъ посланіемъ къ римлянамъ. Оно состоитъ изъ 6-ти главъ, которыя можно раздѣлить на три части:

Часть I. Апостоль защищаетъ себя и ученіе, имъ проповѣданное (1. 2). Въ этой части четыре отдѣла:

Отд. 1. Составляетъ вступленіе (1, 1—5).

Отд. 2. Св. Павелъ доказываетъ, что онъ такой благовѣстникъ, который посланъ не другими Апостолами, но самимъ I. Христомъ, и что посему онъ не меньше другихъ Апостоловъ (1, 6—24).

Отд. 3. Показываетъ, что онъ проповѣдуетъ то же самое Евангеліе, какъ и прочіе Апостолы (2, 1—10).

Отд. 4.—Что съ его ученіемъ согласны и дѣла его (2, 11—21).

Часть II. Здѣсь Апостоль защищаетъ ученіе объ оправданіи вѣрою—посредствомъ доказательствъ, заимствуемыхъ изъ Вѣтхаго Завѣта (3. 4. 5, 1—12). Въ этой части пять отдѣловъ.

Отд. 1. Оправданіе вѣрою доказывается завѣтомъ съ Авраамомъ (3, 1—18).

Отд. 2. То же ученіе доказывается закономъ Моисеевымъ, который не разрушалъ обѣтованій, но приготовлялъ людей къ принятію Спасителя (3, 19—29. 4, 1—7).

Отд. 3. Сильное обличеніе на галатянъ за ихъ уклоненіе отъ преподаннаго имъ ученія Евангельскаго (4, 8—20).

Отд. 4. Сказавъ, что законъ служилъ только *тѣстунюмъ*, или руководителемъ ко Христу (3, 24), Апостоль объясняетъ это сравненіемъ съ двумя сынами Авраама (4, 21—31).

Отд. 5. Доказываетъ уклоненіе отъ истиннаго духа Евангелія тѣмъ, что вѣрующіе изъ іудеевъ, наблюдая обрѣзаніе, чрезъ то самое подчиняютъ себя всему закону обрядовому (5, 1—12).

Часть III. Содержитъ нравственное приложеніе ученія о благодати, состоящее въ разныхъ послѣдовательныхъ увѣщаніяхъ къ богобоязненной жизни святой, при содѣйствіи обѣтованнаго Духа Св.,—съ заключительнымъ благословеніемъ (5, 13—26 и гл. 6). Въ этой части особенно замѣчательны назидательныя мысли и наставленія:

- 1) Противъ скверныхъ дѣлъ плоти и нечестія; и наоборотъ.—
- 2) Касательно воздѣленныхъ плодовъ духа чистоты и благочестія, усматриваемыхъ въ истинныхъ христіанахъ (5, 12—24).
- 3) Относительно духовнаго попеченія другъ о другѣ, взаимнаго благоснисхожденія, помощи и вразумленія, кротости и терпѣнія (5, 26. 6, 1—10).

17. Къ Ефесянамъ посланіе Св. Ап. Павла.

Ефесъ былъ важный торговый городъ въ Малой Азіи. Онъ славился великолѣпнымъ храмомъ, посвященнымъ баснословной богинѣ Діанѣ: этотъ храмъ считался однимъ изъ чудесъ свѣта. *Ефесяне* погружены были въ самое жалкое суевѣріе и идолопоклонство, и, по началамъ самой вѣры своей, предавались величайшимъ нечистотамъ и порокамъ. Несмотря на то, труды Ап. Павла въ обращеніи сего народа увѣщались самымъ благословеннымъ успѣхомъ, подробности коего упоминаются въ Дѣян. 18, 19—21, гл. 19. Ефесская Церковь посаждена около 54 г.; а это Посланіе написано въ 59 г., когда Апостоль, находясь въ Римѣ въ узакъ, услышалъ о твердости ефеслянъ въ вѣрѣ и преуспѣваніи въ христіанскихъ добродѣтеляхъ. Посланіе къ ефесянамъ, во многомъ сходствуя съ прочими посланіями Ап. Павла, имѣетъ слѣдующія замѣчательныя особенности:

1) Все Посланіе проникнуто духомъ молитвы; въ немъ Апостоль какъ бы не учитъ, а благодарить Бога (1, 3. и слѣд.), молится (1, 16. 3, 14—17), славословить (3, 21), умоляетъ вѣрующихъ (3, 13. 4, 1), просить ихъ молиться о всѣхъ, о себѣ самихъ и о немъ (6, 18. и дал.).

2) Съ особенною полнотою раскрываетъ тайну призванія язычниковъ (2, 11—22. 3, 1—12).

3) Многими чертами описываетъ Церковь (1, 22. 23. 2, 20—22. 3, 10. 21. 4, 4—16. 5, 25—32).

4) Отклоняя отъ пороковъ, исчисляетъ ихъ съ подробностью, и не только противопоставляетъ каждому добродѣтель, но и для каждой добродѣтели представляетъ особыя побужденія (4—6, 9).

5) Подробно описываетъ духовное всеоружіе (6, 10—18).

Вообще, при всей необширности сего Посланія, можно извлечь изъ него довольно полное катихизическое ученіе.

Посланіе къ ефесянамъ сходствуетъ въ особенности съ Посланіемъ къ колоссянамъ. Оба они во многомъ служатъ одно другому объясненіемъ (еф. 1, 7—10. см. Кол. 1, 17—20. Еф. 3, 2. Кол. 1, 25. Еф. 5, 19. Кол. 3, 16. Еф. 6, 21. 22. Кол. 4, 7. 8. Еф. 1, 19. 2, 5. Кол. 2, 12. 13. Еф. 4, 2—4. 16. 32. Кол. 3, 12—25. 2. 19. Еф. 4, 22—24. Кол. 3, 9. 10. и проч.).

Посланіе къ ефесянамъ состоитъ изъ шести главъ, которыя раздѣляются на двѣ общихъ части:

Часть I. Вѣручительная, — объемлетъ первыя три главы, въ коихъ можно находить 6 отдѣловъ:

Отд. 1. Надписаніе (1, 1. 2).

Отд. 2. Возвышенное славословіе Богу за благодатные совѣты Его въ ниспосланіи даровъ усновленія, искупленія и вѣчнаго спасенія грѣшниковъ I. Христомъ (1, 3—14).

Отд. 3. Благодареніе и молитва о соблюденіи ефесскихъ вѣрующихъ, какъ членовъ тѣла Церкви Христовой (1, 15—23).

Отд. 4. Апостоль изображаетъ ефесянамъ низость ихъ прежняго состоянія, когда были они язычниками, и высоту состоянія теперешняго, когда они вновь созданы во Христвъ Іисусъ и очистительною кровію Его приближены ко Господу, какъ сожители святыхъ и присные Богу (2).

Отд. 5. Изъясняетъ тайну милосердія Божія, призавшаго язычниковъ въ Церковь Христову, согласно предвѣчнымъ совѣтамъ (3, 1—12).

Отд. 6. Молитвы Апостола объ утверженіи вѣрующихъ въ познаніи и любви Іисуса Христа (3, 13—21).

Часть II. Нравоучительная, —объемлетъ послѣднія три главы, въ которыхъ находится 7 отдѣловъ:

Отд. 1. Апостоль увѣщаетъ ефесянъ, вообще, ходить сообразно ихъ высокому званію (4, 1—3).

Отд. 2. Побуждаетъ къ сему размышленіемъ о единствѣ Духа Св. и разнообразіи даровъ Его, ниспосылаемыхъ Церкви (4, 4—16).

Отд. 3. Увѣщаетъ къ тому же размышленіемъ о обновленіи духа дѣйствіемъ благодати Божіей (4, 17—24).

Отд. 4. Въ подробныхъ чертахъ увѣщаетъ избѣгать всякихъ пороковъ, поощряя къ противоположнымъ добродѣтелямъ (4, 25—32. 5, 1—21).

Отд. 5. Внушаетъ разныя обязанности относительно другъ друга, потому что все вѣрующіе равно искуплены кровію І. Христа и равно суть наслѣдники неба (5, 22—33. 6, 1—9).

Отд. 6. Убѣждаетъ, наконецъ, твердо стоять въ духовной брани, облекшись во всеоружіе Божіе (6, 10—20.).

Отд. 7. Заключение Посланія, состоящее въ одобреніи *Тимха*, которому вручено было Посланіе, и въ обычномъ благословеніи Апостола (6, 21—24).

18. Къ Филиппійцамъ посланіе Св. Ап. Павла.

Филиппы — македонскій городъ, составлявшій римскую колонию. Европа въ первый разъ услышала здѣсь Апостольскую проповѣдь. Здѣсь обращены ко Христу *пурпуропродавица Лидія* и *отроковица*, имѣвшая *духъ притливъ* (Дѣян. 16). Жители сего города были римляне, или римскіе поселенцы. Но между ними находились также и іудеи (Дѣян. 16, 13. 14). Апостоль Павелъ, бывъ вызванъ пощнымъ видѣніемъ изъ Трояды въ Македонію, остановился въ Филиппахъ (Дѣян. 16, 9—12), и въ нѣсколько дней положилъ основаніе Церкви, которая всегда отличалась особенною къ нему любовію (Филип. 4, 15. 16). Апостоль написалъ свое Посланіе къ Филиппійцамъ, когда въ первый разъ былъ узникомъ въ Римѣ (Филип. 1, 7. 12—16. 4, 22. 1, 1. 25. 26. 2, 24. см. Дѣян. 28, 30. 31), и когда при немъ находился Тимсеей (2, 19). Св. писатель исполненъ былъ радости о благосердіи вѣрующихъ въ Филиппахъ, и отъ глубины сердца благодарить ихъ за помощь, посланную страдальцу за дѣло Христово, тогда какъ никакая другая Церковь не доставляла ему подобнаго вспоможенія. Посему и самое Посланіе, которое вручено было присланному отъ коринтянъ *Енафродиту* (2, 25—30), написано съ цѣлію поощрить вѣрующихъ въ ихъ любви къ вѣрѣ Христовой, предостеречь отъ іудействующихъ лжеучителей и поставить ихъ въ путяхъ истины и святой жизни по примѣру І. Христа. Оно исполнено любвеобильныхъ чувствъ и самыхъ трогательныхъ увѣщаній ко всѣмъ членамъ Церкви Филиппійской.

Посланіе къ филиппійцамъ состоитъ изъ четырехъ главъ, въ которыхъ можно находить 8 отдѣловъ.

Отд. I. Вступленіе (1, 1. 2).

Отд. II. Апостоль выражаетъ свое благодареніе Богу за твердость филиппійцевъ въ вѣрѣ и молится о ихъ духовномъ благоуспѣшеніи (1, 3—11).

Отд. III. Излагаетъ обстоятельства своего узничества въ Римѣ, говорить о распространеніи Евангелія даже до царскихъ палатъ (4, 22), и высказываетъ, что, хотя онъ и желалъ бы разрѣшиться отъ тѣла и лицемъ къ лицу быть со Христомъ, однакожь хочетъ и въ тѣлѣ послужить Церкви Его (1, 12—18).

Отд. IV. Трогательныя увѣщанія къ филиппійцамъ вести себя сообразно ученію Христову, — увѣщанія, подерѣпляемыя указаніемъ на примѣръ Апостола и самого Іисуса Христа (1, 19—30. 2, 1—18).

Отд. V. Попеченіе Апостола о филиппійцахъ, выражающееся въ томъ, что онъ посылаетъ къ нимъ Тимоея и Енафродета (2, 19—30),

Отд. VI. Сильное предостереженіе отъ коварныхъ іудействующихъ лжеучителей, которые выдаютъ себя за проповѣдниковъ Евангелія. Апостолъ собственнымъ примѣромъ научаетъ отвергать всѣ мнимыя достоинства и всякую самоправедность, а всю надежду свою возлагать на І. Христа, Который одинъ оправдываетъ насъ чрезъ вѣру въ Него (гл. 3).

Отд. VII. Разныя (общія) увѣщанія — ко всегдашней радости, кротости и молитвѣ. Св. Апостолъ внушаетъ возлюбленнымъ филиппійцамъ всякую добродѣтель, украшающую христіанина, благодарить за ихъ благосердное вспомошествованіе и молить Господа, чтобы Онъ исполнялъ всякое благое ихъ требованіе, по богатству славы своей (4, 1—20).

Отд. VIII. Заключеніе Посланія (4, 21—23).

Особенно замѣчательно въ этомъ Посланіи побужденіе ко взаимной любви, извлекаемое изъ любви и снисхожденія І. Христа, Который, будучи равенъ Богу-Отцу по Божественному естеству своему, принялъ естество человѣческое, чтобы исполнить законъ за грѣшниковъ и умереть для ихъ искупленія (2, 5—11).

19. Къ Колоссянамъ посланіе Св. Апостола Павла.

Городъ *Колоссы* былъ однимъ изъ главныхъ замковъ, или укрѣпленій фригійскихъ, въ Малой Азіи. Онъ находится при рѣкѣ *Ликъ*, на равномъ разстояніи между *Гераполемъ* и *Лаодикиєю*. Неизвѣстно, кѣмъ именно насъждена тамъ Церковь Христова, — вѣроятно *Епафрасомъ*, который приходилъ къ Ап. Павлу отъ колоссянъ, и котораго Апостоль хвалить за ревность о благѣ Церкви въ Колоссахъ (Кол. 4, 12. 13. см. 1, 7). Посланіе къ сей Церкви написано Ап. Павломъ около того же времени, какъ и Посланіе къ ефесянамъ и филиппійцамъ, — именно, когда онъ въ первый разъ содержался узникомъ въ Римѣ (кол. 4, 10. 18), — когда былъ тамъ Тимоѳей (1, 1.) и самъ Апостоль надѣялся еще проповѣдывать *тайну Христову* (кол. 4, 3. 4.) Поводомъ къ написанію Посланія послужило прибытіе въ Римъ *Епафраса*, сотрудника Ап. Павла, который извѣстилъ Апостола о новомъ ученіи, распространяемомъ лжеучителями, относительно равночестнаго Богу почитанія Ангеловъ и соблюденія разныхъ іудейскихъ обрядовъ. Цѣлю посланія, врученнаго *Тихику* и *Онисиму* (4, 7—9), было показать, что вся надежда спасенія виновныхъ челоѣковъ утверждается на Божественности и заслугахъ І. Христа, — предостеречь колоссянъ отъ мудрованія суетныхъ людей, которые прельщаютъ вѣрующихъ *своею ложною философією*, и побудить къ неуклонному пребыванію въ совершенной святости, сообразно высокому званію христіанъ.

Чтобы яснѣе видѣть красоты этого Посланія и лучше разумѣть ученіе, въ немъ содержащееся, — надобно читать его въ снесеніи съ Посланіемъ къ ефесянамъ. Оно состоитъ изъ 4-хъ главъ, заключающихъ въ себѣ 8 отдѣловъ.

Отд. I. Вступленіе (1, 1. 2).

Отд. II. Апостоль благодарить Бога и молится о благѣ колоссянъ (1, 3—14).

Отд. III. Излагаетъ въ самыхъ возвышенныхъ выраженіяхъ Божество І. Христа—Сына Божія и творца вселенскихъ, равно какъ—Его славное ходатайство, чрезъ которое примирены съ Богомъ язычники и приведены въ Церковь Его (1, 15—29).

Отд. IV. Увѣряетъ вѣрующихъ въ своей заботливости о нихъ, въ своей радости и молитвахъ о ихъ утвержденіи и благоспѣшеніи въ вѣрѣ и познаніи І. Христа (2, 1—7).

Отд. V. Увѣщаетъ остерегаться умозрѣній лжеучителей, твердо держаться чистаго ученія І. Христа, въ Которомъ *тѣлеснымъ* образомъ обитаетъ полнота божественности,—Который есть глава Церкви земной и всѣхъ силъ небесныхъ,—и Который, единожды принесши Собою всесовершенную жертву, навсегда прекратилъ левитскіе обряды и служеніе (2, 4—23).

Отд. VI. Увѣщаетъ вѣрующихъ—умомъ и сердцемъ прилѣпляться къ предметамъ небеснымъ, напоминая имъ, что они должны быть неразрывно соединены со Христомъ, Который сѣдитъ одесную Бога; внушаетъ избѣгать всякой нравственной нечистоты, тщательно исполнять обязанности возрожденныхъ учениковъ Христовыхъ и, между прочимъ, назидать другъ друга словомъ Божиимъ и пѣніемъ духовнымъ (3, 1—17).

Отд. VII. Даетъ наставленія касательно взаимныхъ обязанностей мужей, женъ и дѣтей, слугъ и господъ (3, 18—25, 4, 1).

Отд. VIII. Разныя увѣщанія, наставленія, привѣтствіе отъ лица вѣрующихъ въ Римѣ, и заключеніе (4, 2—18).

Особенно замѣчательную часть сего Посланія составляетъ ясное свидѣтельство Апостола касательно Божества Сына Божія и принятія Имъ естества человѣческаго, чтобы содѣлаться главою Церкви и Спасителемъ падшихъ человѣковъ (1, 13—22, 2, 9—14).

(Продолженіе слѣдуетъ).

О Евангеліяхъ.

(Продолженіе).

Но невѣріе языческое, совершенно чуждое всякаго пристрастія въ отношеніи къ христіанству и, наоборотъ, болѣе заинтересованное и болѣе предпримчивое противъ него, чѣмъ всякая ересь, можетъ быть, изъ тысячи собранныхъ имъ отвсюду противъ него стрѣлъ пустило ли хоть одну противъ подлинности Евангелія, этого важнаго основанія нашей вѣры? Отнюдь нѣтъ; и въ этомъ, по нашему мнѣнію, заключается такое рѣшительное доказательство, которое одно могло бы собою замѣнять для насъ другія.

Ни язычество не имѣло защитниковъ болѣе способныхъ, ни Христіанство—враговъ болѣе яростныхъ, какъ Цельсъ, Порфирій и императоръ Юліанъ. Какими только средствами могли вооружить ихъ философія, историческія познанія, краснорѣчіе, талантъ и злоба,—все употребляли они, чтобы поддержать падающее служеніе ложнымъ богамъ и ниспровергнуть поклоненіе Іисусу Христу; и Шатобріанъ въ своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ справедливо даетъ замѣтить, что сочиненія новѣйшаго невѣрія составляютъ нѣчто иное, какъ литературное хященіе у этихъ враговъ Христіанства и весь Вольтеръ заключается въ Юліанъ.

Но эти столь извѣстные невѣрующіе, достойные корифеи всѣхъ своихъ послѣдователей, нападавшіе на все въ Христіанствѣ, оскорблявшіе его всѣми возможными мѣрами, не высказали ничего противъ подлинности Евангелія. Одной только этой стороны не дерзнули они коснуться, но и противъ воли должны были принять ее. Можно только замѣчать у нихъ тайное желаніе ниспровергнуть и эту преграду, подобно тому, какъ у лошади, грызущей удила, нельзя не видѣть покушенія сокрушить это средство, сдерживающее ея порывы, когда она покрываетъ ихъ пѣною; но такимъ бессильнымъ желаніемъ они только въ высшей степени доказывали несокрушимость этой преграды.

Древнѣйшій изъ этихъ трехъ противниковъ, Цельсъ, писавшій около 170 года, извѣстенъ намъ своимъ споромъ съ Оригеномъ. Въ началѣ своего сочиненія онъ самъ объявляетъ, что нападаетъ на Христіанство съ полнымъ разумнѣемъ дѣла и знаетъ всѣ его доказательства: *novi enim omnia.* *) Признавая себя несостоятельнымъ обличить подлинность Евангелія, онъ самъ пользуется имъ, особенно изъ Евангелія св. Маттея; по нему онъ прослѣдилъ кратко Евангеліскую исторію и, безсовѣстно исказивъ ее своими толкованіями, изъ нея заимствуетъ всѣ свои возраженія противъ Христіанства. Онъ возстаетъ противъ родословной Спасителя, утверждаетъ, будто никто не видѣлъ Его чудесъ, кромѣ Его учениковъ, и будто чудеса эти уже слишкомъ *преувеличены учениками*, и проч. Безполезно входить въ дальнѣйшія подробности.

Порфирій, писавшій въ половинѣ третьяго вѣка, составилъ противъ Христіанства трактатъ, почитавшійся у язычниковъ, какъ произведеніе Божественное. Большую часть возраженій этотъ философъ заимствовалъ изъ книгъ Новозавѣтныхъ. Такъ, напр., онъ жестоко осуждаетъ Апостоловъ въ неблагоразуміи за то, что они послѣдовали за Спасителемъ по первому Его призванію; издѣвается надъ Евангелистами за то, что написали, по его словамъ, слишкомъ смѣшную гиперболу, будто Іисусъ повелѣлъ Петру ходить по морю, тогда какъ это было не болѣе, какъ озеро Геннисаретское и проч.

Юліанъ жилъ въ половинѣ четвертаго вѣка и, слѣдовательно, имѣлъ возможность собрать всѣ, измышленныя въ продолженіе трехъ сотъ лѣтъ, доказательства противъ Христіанства и прибавить къ нимъ все, что только могло по самой отдаленности быть благопріятно противъ подлинной исторіи о его происхожденіи. Юліанъ, по самому исторически-нравственному характеру своему, какъ отступникъ отъ Христіанства, соединялъ въ себѣ

*) Orig. contr. Cels. I. 1 p. 11.

сугубнаго познанія и сугубую опытность, и какъ язычникъ, и какъ христіанинъ. Его нападенія противъ Христіанства тѣмъ болѣе должны бы быть дерзки и сильны, что наносились рукою *Императорскою*, и онъ поклялся уничтожить *Галилеянина*. И чтоже? Этотъ Юліанъ нигдѣ не говоритъ ни о Евангеліи, ни о другихъ книгахъ Новозавѣтныхъ, не усвая ихъ Апостоламъ. имена которыхъ онъ носятъ. Иногда онъ приводитъ заимствуемыя изъ Посланій св. Павла мѣста, какъ и самъ о томъ говорить; иногда пересказываетъ, по Евангеліямъ св. Луки или Матѳея, изреченія Іисуса Христа, или событія изъ исторіи земной жизни Его; признаетъ, что Іисусъ Христосъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Іудейскихъ исцѣлялъ хромыхъ, слѣпыхъ, глухихъ. Даже и въ томъ случаѣ, когда онъ издалъ декретъ, запрещающій христіанамъ изучать произведенія языческой литературы и изъяснять поэтовъ, онъ выражается такъ: „пустъ они изъясняютъ Луку и Матѳея въ собраніяхъ Галилеянъ“ *). Но съ особенною знаменательностію выражено этимъ нечестивымъ отступникомъ такое признаніе въ слѣдующемъ отрывкѣ: „ни *Павелъ*, ни *Матѳей*, ни *Лука*, ни *Маркъ* не дерзали проповѣдывать, что Іисусъ былъ Богъ; но когда въ Греціи и Италіи многіе изъ учениковъ ихъ признали Его Богомъ и начали воздавать Ему Божескія почести и оказывать благоговѣнное уваженіе къ могиламъ Петра и Павла; тогда Іоаннъ объявилъ, что Слово сдѣлалось плотію и обитало между нами. Впрочемъ, когда онъ употребляетъ имена: *Богъ* и *Слово*; то уже не употребляетъ имени: *Іисусъ*, или *Христосъ*. Итакъ, Іоанна надобно признать виновникомъ всего этого зла“ **).

Сознавая невозможность отрицать подлинность Евангелія (наравнѣ съ которымъ онъ поставляетъ въ этомъ отношеніи и посланія св. Павла), онъ прибѣгаетъ къ ложному извороту, утверждая, будто три Евангелиста и Ап. Павелъ не изображаютъ Іисуса

*) Iulian. Epist. 42.

**) S. Cyril. cont. Iulian.

Богомъ. Будучи не въ состояніи оспорить, по крайней мѣрѣ, въ Евангеліи Іоанна высокое ученіе о *Словѣ, содѣлавшемся плотию*, онъ для отклоненія и ослабленія силы этого важнѣйшаго свидѣтельства, бросается въ двѣ противоположныя крайности, которыя разоблачаютъ и посрамляютъ его недобросовѣтность и злонамѣрность. Разъ онъ утверждаетъ, будто Іоаннъ свидѣтельствуеетъ о Божествѣ Іисуса Христа тогда только, какъ многіе уже стали вездѣ признавать Его за Бога (какъ будто быстрое распространеніе по вселенной вѣры въ Божество Іисуса Христа само собою уже не предполагаетъ ученія о той же истинѣ и со стороны другихъ Апостоловъ, на могилы которыхъ стекались отовсюду?); въ другой разъ онъ же говоритъ, что Іоаннъ не утверждаетъ этой истины, потому что когда говоритъ о Словѣ, то не употребляетъ именъ: Іисусъ, или Христосъ, и за всѣмъ тѣмъ его же надобно признать виновникомъ всего этого зла. Жалкое противорѣчіе, обнаруживающее крайнее ослѣпленіе безсильной злобы! Имъ только подтверждается, что, противъ чего возстаетъ злоба, которая въ своей слѣпотѣ, съ дерзостію покушаясь разрушать основанія нашей вѣры, доказываетъ, что они несокрушимы.

Несмотря, впрочемъ, на все это ожесточеніе противъ Христіанства, ему и не приходило даже на мысль отрицать подлинность Евангелія хотя бы пошлыми умствованіями, подобно тому, какъ это дѣлалъ онъ по отношенію къ Божеству Іисуса Христа, между тѣмъ какъ это было бы самымъ простымъ и прямымъ средствомъ уронить вѣрованіе въ Его Божество. А, напротивъ, онъ несомнѣнно признаетъ подлинность Евангелія, заимствуя изъ него самого всѣ свои обвиненія противъ Христіанства, противъ исторіи и жизни его Основателя и Его послѣдователей.

Можно ли, послѣ этого, согласиться, будто невѣріе новѣйшее успѣло, наконецъ, привести въ сомнѣніе подлинность Евангелія, опирающуюся на такихъ доказательствахъ, оправдываемую такими свидѣтельствами и признаніями, — подлинность, которую мы всѣмъ

тимъ такъ ясно, со всею необходимою послѣдовательностію и очевидностію доказали?

Этимъ самохвальствомъ невѣріе достигаетъ только того, что очевидность истины, которую оно хотѣло бы затемнить, становится еще болѣе ясною.

Это, впрочемъ, мы увидимъ, разбирая недоумѣнія невѣрія, которыхъ нельзя, и по его собственному признанію, назвать основательными.

Г.

Ужели не было *ложныхъ Евангелій*? Или нельзя вымышлять подобныхъ исторій? А если это возможно, то кто и чѣмъ увѣритъ насъ, что всѣ Евангелія и факты, въ нихъ заключающіеся, не вымышлены? Вотъ первое затрудненіе.

Самыя Евангелія, нынѣ принимаемыя всѣми христіанами, въ какомъ были состояніи прежде, нежели книгопечатаніе дало ихъ тексту настоящее однообразіе и твердость, недопускающія въ нихъ никакой прибавки или убавки? Въ уцѣлѣвшихъ древнихъ манускриптахъ не находимъ ли безчисленныхъ варіантовъ? Доселѣ еще не могли справиться съ этими варіантами; чѣмъ же послѣ этого представляется достовѣрность повѣтствованія и ученія посреди такого смѣшенія? Это второе затрудненіе.

Существованіе *ложныхъ Евангелій* и множество *вариантовъ* въ манускриптахъ Евангелія, принимаемаго за истинное, составляютъ два источника недоумѣній, съ которыми возстаютъ противъ подлинности и истинности Евангелія.

Что сказать на это? Справедливо, что были *ложныя Евангелія*; справедливо и то, что древніе манускрипты, на основаніи которыхъ установился настоящій текстъ нашего Евангелія, представляютъ многочисленные *варианты*. Можно согласиться и на то, что эти два историческіе факта и заключенія, выводимыя изъ нихъ невѣріемъ, не

лишены, по видимому, достаточнаго основанія въ недоумѣніяхъ, поставляющемъ искусю истину среди неизвѣстности и сомнѣнія.

Но если разсмотрѣть эти недоумѣнія и сомнѣнія и повѣрить ихъ при свѣтѣ священней критики, то они разсѣваются, подобно ночному призраку при появленіи солнца, и оказываются только новыя еще доказательства въ пользу весомиѣнности нашей вѣры.

а) Начнемъ съ *ложныхъ Евангелій*. И прежде всего условимся, что нужно разумѣть подъ этими *ложными Евангеліями*? Состоятъ ли они изъ ложныхъ во всѣхъ отношеніяхъ исторій и рассказовъ баснословныхъ, совершенно отличныхъ отъ того, что содержится въ Евангеліи, признаваемомъ за истинное? Совершенно нѣтъ; по содержанію своему они иногда столько близки къ Евангелію истинному, что, въ семъ отношеніи, ихъ иногда принимали за истинныя. Главное, чѣмъ они отличаются отъ истиннаго, — то, что они — *апокрифы*, т. е. усвояются тѣмъ писателямъ, которые на самомъ дѣлѣ ихъ не писали, и затѣмъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, находили въ нихъ преланія не совсѣмъ вѣрныя и уклоненія отъ истины въ нѣкоторыхъ подробностяхъ.

Установившись на этомъ, я прежде всего не соглашаюсь съ заключеніемъ, какое выводятъ отсюда.

Были, говорятъ, *ложныя Евангелія*, слѣдственно, *есть возможность вымышлять подобныя исторіи*. Это доколѣ справедливо, но только при томъ необходимомъ поясненіи, вытекающемъ изъ предыдущаго, что вымысль, возможность котораго и я признаю, простирается не на самую сущность рассказа, а только на его источникъ, и, пожалуй, на нѣкоторыя даже подробности рассказа; т. е. есть возможность составить Евангелія *апокрифическія*, подложныя по своему происхожденію, но не въ существѣ своемъ *ложныя*. Иное дѣло *неподлинность* сочиненія, и другое *ложность* его. Сочиненіе можетъ быть *подлинное* въ томъ отношеніи, что оно дѣйствительно происходитъ отъ

писателя, имя котораго на себѣ носить, — и вмѣстѣ *ложность* въ томъ отношеніи, что въ немъ не говорится истина и правда, и, наоборотъ, можетъ быть *истинно* въ отношеніи къ своему содержанію, но *подложно* въ томъ отношеніи, что писатель и планы сочиненія вымышлены. Но, — повторяю, — въ этомъ только послѣднемъ смыслѣ надобно понимать *Евангелія ложныя*; такъ они названы не столько потому, что *ложны*, сколько потому, что они — *апокрифы*. И какъ на основаніи существованія ихъ путемъ аналогіи заключаютъ къ возможности *Евангелій ложныхъ*, то справедливость требуетъ, чтобы аналогія была сообразна своему предмету и не выходила за его предѣлы, чтобы изъ существованія *Евангелій ложныхъ* не выводили иныхъ слѣдствій, кромѣ того, что можно составлять Евангелія сходныя по подражанію, т. е. не въ собственномъ смыслѣ *ложныхъ* по всему, а только *апокрифы*, что возможно, напр., явиться подъ именемъ *Евангелія св. Иоанна* такому описанію Евангельскихъ событій, котораго вовсе не писалъ *св. ап. Иоаннъ*, а кто-нибудь изъ его учениковъ. И это имѣетъ свое значеніе, въ томъ отношеніи, что, когда подлинность нашихъ Евангелій оспаривается, могла бы оставаться за ними ихъ истинность. Но это только чистое предположеніе; мы его рассмотримъ.

Итакъ, продолжаютъ, всѣ Евангелія и факты, въ нихъ содержащіяся, могутъ быть вымышлены. Это уже совершенно ложно. Я уже сказалъ, что по справедливости слѣдуетъ заключить наоборотъ.

Если можно было составлять вымышленныя Евангелія съ нѣкоторыми оттѣнками истины и нѣкоторымъ расчетомъ на успѣхъ; то это возможно только потому, что были Евангелія истинныя, изъ которыхъ была возможность заимствовать этотъ оттѣнокъ истины для большой вѣроятности на успѣхъ. А это значить, что въ Евангеліяхъ подложныхъ, по крайней мѣрѣ, дѣло идетъ о фактахъ того же самаго свойства, о какихъ содержатся

повѣствованія и въ Евангеліяхъ истинныхъ; слѣдственно, основаніе Евангельской исторіи истинно.

Рѣшительный перевѣсъ этому заключенію даетъ то, что подложныя Евангелія имѣли мѣсто во времена близкія къ самымъ происшествіямъ, въ нихъ описаннымъ, были почти современны имъ, и потому всѣ они въ совокупности сходны между собою на счетъ этихъ событій; что доказываетъ какъ то, что они составлялись на основаніи общеизвѣстной исторіи, и, слѣдовательно, прежде совершившейся, такъ и то, что обманчивое сходство, съ какимъ они поддѣлывались, по самой близости разстояніи, по времени и мѣсту, къ представляемой въ нихъ исторіи, могло происходить только отъ истинности самой этой исторіи, и, слѣдовательно, ее предполагаетъ и доказываетъ.

Чтобы обсудить полнѣе и яснѣе справедливость этого заключенія и ложность ему противоположнаго, пусть приложатъ то и другое къ какому-нибудь обыкновенному, подобному случаю: напр, къ *запискамъ Маркизы де Креки*.

Въ приложеніи къ этому случаю умствованіе и заключеніе невѣрія должно быть таково: „записки объ осьмнадцатомъ вѣкѣ Маркизы де Креки, считавшіяся сначала истинными, были ложны; слѣдовательно, была возможность вымышлять съ успѣхомъ подобнаго рода записки; слѣдовательно, *всѣ записки, какія мы имѣемъ объ осьмнадцатомъ вѣкѣ, и всѣ факты, въ нихъ содержащіеся, могутъ быть вымыслены*“.

А вотъ въ приложеніи къ тому же случаю наше заключеніе: „можно было вымыслить записки де Креки; слѣдовательно, надобно допустить, что о происшествіяхъ, въ нихъ описанныхъ, были записки подлинныя, въ сходство съ которыми поддѣланы эти; что въ осьмнадцатомъ вѣкѣ дѣйствительно случились тѣ самыя, или, по крайней мѣрѣ, подобныя факты, благоприятствовавшіе тому вымыслу; слѣдовательно, самый успѣхъ подложныхъ записокъ Маркизы де Креки предполагаетъ подлинную и справед-

ливую исторію о главныхъ фактахъ, въ нихъ описанныхъ, и, слѣдовательно, доказываетъ существованіе такой исторіи“.

Здѣсь считаю нужнымъ сдѣлать одно важное замѣчаніе: разсмотрѣнный нами для примѣра случай рѣшительно подобенъ предмету нашего спора съ невѣріемъ. (На Евангеліе можно смотрѣть, какъ на записки Апостольскія, составленныя современниками—очевидцами; такъ и называетъ ихъ св. Іустинъ (*Commentaria Apostolorum*), который былъ не дальше отъ событій, Евангельскихъ, какъ мы отъ вѣка Людовика XV.) Въ подобныхъ случаяхъ,—надобно согласиться,—чѣмъ болѣе необычныя рассказываемые факты, тѣмъ больше успѣхъ вымышленныхъ записокъ о нихъ зависитъ отъ истинности самихъ фактовъ. Такимъ образомъ, авторъ *записокъ Маркизы де Креки* могъ обманывать насъ на счетъ какихъ-нибудь мелочныхъ анекдотовъ салона, но не могъ этого сдѣлать касательно великихъ происшествій французской революціи. Здѣсь онъ поставленъ былъ въ необходимость быть вѣрнымъ, правдивымъ, и во всемъ сообразовываться съ исторіею; даже на счетъ нѣкоторыхъ подробностей онъ могъ обманывать насъ только явнымъ желаніемъ быть правдивымъ въ отношеніи къ великимъ происшествіямъ, и успѣхъ его невиннаго обмана зависѣлъ отъ его правдивости. Вѣрнѣйшее средство для сочинителя подобныхъ записокъ—не дать никому обмануться на счетъ ихъ правдивости и видѣть свое произведеніе отверженнымъ, какъ безумное, онъ нашелъ хоть въ подобномъ, напр., разказѣ: вотъ-де, въ половинѣ осьмнадцатаго вѣка, въ улицахъ Парижа жилъ и общенародно являлся, въ продолженіи трехъ лѣтъ, какой-то пророкъ, чудотворецъ, необыкновенный человекъ, называвшій себя Богомъ; онъ исцѣлялъ слѣпыхъ и хромыхъ, воскрешалъ умершихъ, вездѣ, даже въ самыхъ глухихъ мѣстахъ, былъ окруженъ безчисленнымъ множествомъ свидѣтелей своихъ чудесъ; а наконецъ былъ преслѣдуемъ, схваченъ, преданъ начальству, влечимъ изъ судилища въ судилище и повѣшанъ на

Гревской площади между двумя разбойниками, потомъ чрезъ три дня воскресъ, въ виду солдатъ, которыхъ полиція приставила для охраненія его могилы, и оставилъ Парижъ, Францію и весь мiръ въ такомъ волненіи, котораго никто не можетъ остановить. Если-бъ, говорю, составитель записокъ Маркизы де Креки это самое избралъ предметомъ для нихъ, то его осмѣяли бы, потому что все было противъ него; подобное событіе не могло не произвести огромнаго впечатлѣнія на свой вѣкъ, и должно бы быть записано въ общественныхъ памятникахъ, какъ особенная достопримѣчательность страны. Обратите, послѣ этого, вниманіе на составителей *апокрифическихъ Евангелій*; вѣдь они находились точь-въ-точь въ подобныхъ обстоятельствахъ. — Итакъ, если у нихъ достало смѣлости, и не безъ надежды на успѣхъ, пустить въ ходъ рассказы о подобныхъ происшествіяхъ; то это значить, что ихъ рассказы оказывались согласными съ другимъ подлинными Евангеліями, отъ которыхъ они заимствовали и духъ, и вліяніе; и что тѣ и другія находились въ согласіи съ преданіемъ, со всѣми памятниками, со всѣми современными воспоминаніями Іудей и, наконецъ, съ фактами, свѣжими, настоящими фактами; ибо впечатлѣніе дѣяній Іисуса Христа вездѣ давало о себѣ знать, — въ Іудеѣ, Греціи, Италиі; вся вселенная была взволнована и потрясена этимъ впечатлѣніемъ, и даже настоящій, современный намъ свѣтъ волнуется еще доселѣ отъ этого могущественнаго впечатлѣнія.

Итакъ, утверждаю, что изъ существованія *апокрифовъ* слѣдуетъ выводить заключеніе, совершенно противное заключенію, выводимому невѣріемъ; т. е., что всѣ Евангелія и рассказанныя въ нихъ событія *не могутъ* быть вымышлены, и что Евангелія *апокрифическія* предполагаютъ Евангельскую исторію подлинную и справедливую, и предполагаютъ ее тѣмъ болѣе, чѣмъ необычайнѣе событія, о которыхъ она рассказываетъ.

Такимъ образомъ, возраженіе невѣрія, заимствуемое изъ существованія ложныхъ Евангелій, не имѣетъ никакой силы предъ строгимъ и безпристрастнымъ мышленіемъ, даже болѣе,—оно имѣетъ силу противъ самаго невѣрія.

Но въ этомъ дѣлѣ оно особенно ошибается въ своихъ расчетахъ. Въ самомъ дѣлѣ, ему приходится терпѣть пораженіе противъ того пункта, который нами съ полнотою и основательностію обслѣдованъ и котораго не слѣдуетъ терять изъ виду, именно— что четыре Евангелія св. Матѳея, Іоанна, Марка и Луки, со времени обнародованія ихъ и до нашихъ дней, были всегда отличаемы, какъ *единственно подлинныя*, не только всею Церковію, даже язычниками; что ложныя Евангелія такъ мало пользовались довѣріемъ и успѣхомъ, что принятіе ихъ наравнѣ съ истинными никогда и нигдѣ не могло установиться; что христіане никогда не обманывались на этотъ счетъ; что самыя яростныя противники не преодолевали ихъ въ семъ отношеніи, и что эти Евангелія пали, наконецъ, сами собою, такъ что не было никакой нужды отсѣкать ихъ, подобно тому, какъ засыхаютъ и отваливаются чужеродные наросты на сильномъ стволѣ, постоянно зеленѣющемъ.

(Продолженіе будетъ).

Какое добро для прихода можетъ сдѣлать христіански-просвѣщенная матушка?

(Продолженіе).

Между тѣмъ, пришелъ о. Тимоѳей. Это былъ рослый мужчина, лѣтъ сорока, съ черною бородою, съ таковыми же волосами, заплетенными въ косу. Одѣтъ былъ въ ватный, бобрикомъ покрытый подрясникъ и кушакомъ подпоясанный. На ногахъ были валенки, а на рукахъ вязанныя шерстяныя варежки. Онъ хлопоталъ на дворѣ по хозяйству, котораго у него было довольно порядочно.

Въ передней онъ раздѣлся и вошелъ въ столовую уже въ нижнемъ подрясникѣ.

— Вы никакъ тутъ толкуете о высокихъ матеріяхъ?

— Здороваась съ Капитолиной Дмитріевной и садясь на стулъ сказалъ о. Тимоѳею:

— Поди моя Жена все тутъ свою философію разводить, — продолжалъ о. Тимоѳей, поддвигая стаканъ съ чаемъ. — Всегда она у меня такая. Иногда меня начнетъ пробирать, такъ что даже въ потъ броситъ. И я въ душѣ съ нею согласенъ. Только вотъ хозяйство жаль. Уже если бы не заводитъ его, такъ и быть — пошелъ бы по ея слѣдамъ. А теперь трудно бросить. Привычка. Да и поддержка въ матеріальности. Вотъ если бы мы были обеспечены содержаніемъ, тогда бы разговоръ другой. Эхъ, грѣхи наши тяжкіе! А все-таки много времени отнимаетъ у насъ, пастырей, хозяйство. За всѣмъ самъ присмотри, а не присмотришь, такъ и получится Богъ знаетъ что. Вотъ сейчасъ, напримѣръ, если бы не я, такъ Абрамъ бы буренку заперъ вмѣстѣ съ другими коровами. Я ему говорю: „Что ты дѣлаешь? Вѣдь мы ее нынѣ — завтра дожидаемъ. Гони ее въ конюшню. А третьяка пусти вмѣстѣ съ лошадьми“. Да — съ. Такъ вотъ, значить, и возишься тамъ. Иногда даже книженку прочитать некогда. А въ душѣ я съ нею согласенъ.

— Вы вотъ всегда такъ съ моимъ муженькомъ, — заговорила Капитолина Дмитріевна.

— Теоритически куда какъ хорошо рассуждаете, а какъ дѣло дойдетъ до самой сути, такъ сейчасъ ссылаться на хозяйство да на требы. Требы — требами... И это тоже требы, только меньше наглядны. Да и то только потому, что мы слишкомъ ужъ привыкли къ этимъ требамъ. Мой о. Павелъ всегда тоже какъ хорошо идеальничаетъ на счетъ работы среди народа, а самъ и пальцемъ не ударитъ. Мы съ нимъ всегда споримъ. Я доказываю ему, что пользы больше можно принести, работая тамъ, наверху, а онъ

говорить, что здѣсь, внизу, и претолочно доказываетъ. Но только это доказательство—такъ и остается доказательствомъ.

— Силы воли нѣтъ, чтобы побороть привычки, — перебилъ о. Тимофей, подавая пустой стаканъ своей матушкѣ.

— А мы вотъ тутъ съ Надеждой Семеновной толковали на счетъ женскихъ правъ, — продолжала Капитолина Дмитріевна, какъ будто не слушая о. Тимофея, вспомнивъ, что ему не отвѣтили еще на первый вопросъ. — Она мнѣ тутъ такую левцію прочитала, что я просто руками развела.

— Небось толковала на счетъ того, что надо служить народу, лѣчить народъ, и не одно только тѣло, но и душу? — спросилъ о. Тимофей. — Это ея конекъ.

— Вотъ, вотъ именно объ этомъ толковала, — подхватила Капитолина Дмитріевна.

— Толковать то мы всё толкуемъ, — сказала Надежда Семеновна, — да дѣла-то отъ насъ нѣтъ.

— Вчера къ ней пришла Проскуткина баба (тутъ у насъ одна больная), — продолжалъ о. Тимофей, — и спрашиваетъ, нѣтъ ли лѣкарства отъ кашля. А у ней, какъ на грѣхъ, лѣкарства-то и не случилось. Баба спрашиваетъ: „А въ аптекѣ дадутъ лѣкарства отъ кашля?“ — „Дадутъ, конечно“, — отвѣчала она. — „Но только зачѣмъ тебѣ ѣхать въ аптеку-то? Вѣдь и до больницы-то все равно пять верстъ, какъ и до аптеки. Такъ ужъ лучше ѣхать прямо въ больницу. Тамъ докторъ. Онъ знаетъ и лѣкарства какого дать. А въ аптекѣ дадутъ тебѣ какую-нибудь ерунду... Имъ бы только продать“... И пошла, и пошла... Съ полчаса говорила, что вы-де всегда по бабкамъ да по калдуньямъ ѣдите, лѣчитесь — Богъ знаетъ чѣмъ, добрыхъ совѣтовъ не слушаетесь и т. д. Я слушалъ, слушалъ, не вытерпѣлъ и вышелъ изъ своей комнаты и спрашиваю: „Что за шумъ тутъ у васъ?“ — „Что за шумъ?“ — отвѣчаетъ она, — „вотъ твои овцы безпутныя“...

— А вы, Капитолина Дмитриевна, не всему вбърите-то— виѣшалась Надежда Семеновна.— Это онъ кое-что прибавилъ. Я не сердилась, когда говорила. Хотя, дѣйствительно, хотѣлось на- шумѣть. Ужъ слишкомъ они безтолковы-то. Много надо терпѣнія, чтобы добиться отъ нихъ толку. А все-таки они интересный народъ. А знаете ли что? Народъ до сихъ поръ убѣжденъ, что холеру пускають доктора. Хоть что хотите имъ говорите, а они на своемъ стоять. Можетъ быть, потому и лѣвится-то охотнѣй ѣдутъ къ бабкамъ. Вотъ что надо искоренять изъ народа. Впрочемъ, тутъ сами врачи виноваты. Такъ себя зарекомендовали. Ужъ слишкомъ они плохо обращаются съ больными-то. Ни разспросить какъ слѣдуетъ, ни что. Нашъ врачъ—баринъ. И для народа онъ всегда баринъ. А разъ баринъ, то дѣло дрянъ... Бѣлая кость— и все тутъ... Народъ чуетъ, гдѣ чѣмъ пахнетъ. Онъ не совсемъ еще забылъ барщину. Не даромъ у него такія убѣжденія, что всѣ бѣды—отъ господъ. Это вѣрно, что у него такія убѣжденія...

— Опять повѣхала!—улыбаясь перебилъ о. Тимофай. — Если бы не дѣти, что бы ты стала дѣлать съ народомъ? Не стала-ли бы ты ихъ пѣстать?..

— Ужъ гдѣ тамъ пѣстать! Хоть смотрѣли-то на нихъ, какъ на людей. А то вѣдь каждый себя мнитъ куда какъ высоко. Ты дескать мужикъ сиволѣцъ, а я священникъ, докторъ и т. п. А по-настоящему-то всѣ мы должны служить народу, начиная съ министра и кончая сельскимъ старостою. Вотъ что.

(Окончаніе будутъ).

„Ж е р т в а“.

Морозный январскій день приближался къ вечеру. Солнце уже низко стояло у горизонта, словно шаръ раскаленнаго металла. Огненные лучи его окрашивали пушистый снѣгъ въ нѣжно-розовый цвѣтъ. Воздухъ неподвиженъ. Крѣпкій морозъ все сковалъ собою:

и далекія кругомъ поля, и видѣвшееся подѣ холмомъ у рѣки село. Узкая, зимняя дорога вилась, точно лента, по необозримому снѣжному полю, переходя съ холма на холмъ и теряясь вдалекѣ за однимъ изъ нихъ. Верстахъ въ двухъ отъ села, по дорогѣ шель одинокой путникъ. Онъ все поглядывалъ: то на село, то на заходящее солнце, то, опустивши голову, шель глубоко задумавшись. Ему можно было дать на видъ не болѣе двадцати пяти лѣтъ. Онъ былъ средняго роста, съ смуглымъ лицомъ и черными, какъ смоль, волосами.

Пріятныя черты лица его внушали довѣріе и симпатію. По губамъ его пробѣгала, иногда, радостная улыбка; но, всматриваясь въ лицо, можно было прослѣдить, что по нему, по временамъ, пробѣгала тѣнь, — тѣнь какой-то внутренней борьбы и мученія. Легкое пальто его, видно, мало защищало его отъ холода и онъ все старался ускорить свой шагъ, чтобы хоть этимъ немного согрѣться. Солнышко зашло. Рѣдкія облачка точно застыли на мѣстѣ. До села оставалось недалеко и до ушей путника доносился лай сабакъ и шумъ игравшихъ на улицѣ ребятишекъ. Вотъ, наконецъ, и село.

Впереди тянулася широкая улица, а на концѣ ея возвышалась небольшая, деревянная церковь.

Все это путникъ моментально оглядѣлъ, какъ давно родное и знакомое.

Сизый дымокъ изъ деревянныхъ трубъ избушекъ высоко поднимался вверхъ столбиковъ, теряясь въ морозномъ, туманномъ воздухѣ.

Стало смеркаться.

Около домовъ, скрпя воротами, суетились хозяйва, поспѣвая убратъся съ дѣлами съ наступленіемъ ночи.

У колодца хлопотала баба, наливая изъ ведра въ ведро воду. Путникъ подошелъ къ ней.

„Ой, да это Степанъ“! — воскликнула баба, ставя ведро на землю, и ведро съ водой сильно расплескалось.

„Здравствуй, Марья! Видишь, на праздничекъ пришелъ; чай и не ждали меня поди дома-то“.

„Ишто-бы, гдѣ ждать“, — проговорила баба, поправляя сбившійся платокъ, — „янонѣ съ Марьей-то видѣлась у рѣчки, — говоритъ, хлѣбецъ вышелъ совсѣмъ; нынѣ къ ужину будетъ, а завтра хоть зубы на полку. Охъ, -хо-хо-хо“, добавила она: „и, и житье ей безъ мужа-то“.

„Оно бы развѣ мы не прокормились безъ отца-то, — сказалъ Степанъ, — земли вотъ очень мало, да сторѣли, а тутъ подати, ну и совсѣмъ скружились. Онъ, покойникъ, мало оставилъ въ хозяйствѣ-то: одна лошадь, да овецъ штукъ шесть; коровки и то нѣтъ, что тутъ и говорить, плохо. Ну, да Богъ не оставитъ; вотъ несу кой-что изъ деньжонокъ, есть на что будетъ хлѣба купить и долги кой-кому заплатить“.

„Ну, дай Богъ, дай Богъ; ты, я знаю, перень-то не глупый, не „сгальний“ какой —нибудь, трудовую копѣйку бережешь. Авось Господь поможетъ, оправитесь, не вѣкъ же такъ пробиваться“.

„Послалъ бы Богъ“, — вздохнувъ, проговорилъ Степанъ.

„А я заговорился совсѣмъ. Прощай, Марья! Поклонись теткѣ Ариинѣ, да скажи ей, чтобы приходила завтра на блины, да и ты приходи!“

Степанъ зашагалъ по улицѣ.

„Вотъ ужъ мѣсяца два служу на хорошемъ мѣстѣ, а хозяйство не поправилъ еще. А тутъ зима малоснѣжная, хлѣбъ уродится — ли? Не уродится — пропадетъ; долговъ сколько, не выплатишь скоро.... Былъ бы одинъ, а то вѣдь ребятъ то сколько; и жалко ихъ горемычныхъ!“ Такъ размышлялъ Степанъ по дорогѣ къ дому.

Гола съ два тому назадъ отецъ его заболѣлъ и не вставалъ съ постели, а семья была большая: пять человекъ, и всѣ малыши-

малышемъ. Тутъ скоро послѣ этого сгорѣли, ну и совсѣмъ разорились. Весною отецъ померъ и Степанъ остался кормилицемъ всей семьи. Степанъ же не тяготился этимъ, онъ сильно любилъ свою мать и малыхъ дѣтей и всегда скорбѣлъ о нихъ, мучаясь при томъ, что не скоро будетъ ему возможно поправить хозяйство.

Прошли лѣто и осень, полныя полевыхъ, крестьянскихъ трудовъ. Но труды эти плохо оплатились. Годъ вышелъ неурожайный.

Степанъ видѣлъ, что своего хлѣба ему хватить не дольше, какъ на половину зимы; нужно было искать заработка. Но ѣхать куда-нибудь въ извозъ Степанъ не рѣшился: очень то уже плоха была тогда его лошаденка. „Лѣтомъ поработала и такъ-хоть куда“, разсуждалъ Степанъ, „нужно пожалѣть скатинку твою, падеть, тогда и вовсе бѣда“.

Услышалъ онъ отъ своего сосѣда, что можно поступить на желѣзную дорогу кѣмъ-нибудь. Пошелъ. Его, какъ хорошо грамотнаго, скоро приняли и прямо въ кондуктора. За усѣрдную службу и тихій нравъ, его вездѣ тамъ полюбили; да и въ селѣ его считали за хорошаго человѣка и встрѣчали всегда съ открытымъ радушіемъ, и кто могъ въ чемъ, помогали ему.

Наступилъ вечеръ; въ избахъ замелькали огоньки.

Степанъ подходилъ уже къ своему дому. Вонъ показалась ему знакомая клѣтъ, сарайчикъ и дворъ. Наконецъ, подошелъ онъ къ дому. Это была изба, ни чѣмъ не отличавшаяся отъ сосѣднихъ, подобныхъ ей избышекъ, развѣ только тѣмъ, что она отъ старости своей немного наклонилась на одинъ бокъ, да солома на крышѣ кое-гдѣ повывѣтрилась; впрочемъ, снѣгъ почти все срывалъ и закрывъ на половину худня мѣста. Изъ маленькихъ, замерзнувшихъ оконъ не свѣтился огонекъ. Степанъ поднялся на крылечко, отворилъ дверь, прошелъ въ сѣни и, нагнувшись, вошелъ въ избу. Въ ней было совершенно темно, такъ что плохо можно

шло разглядѣть что-нибудь. Услыша, что кто-то вошелъ, ребяташки, игравшіе на полу, вскочили.

„Кто пришелъ?“ - спросилъ дѣтскій голосокъ. „Я, я, Мама идите скорѣй сюда, гостинецъ принесъ“, — проговорилъ Степанъ, уже обращаясь ко всѣмъ. „Степа! Степа!“ зазвенѣли весело голоса. Въ темной хатѣ поднялась суматоха, всѣ были уже около Степана, тормозили его. Перецѣловавъ всѣхъ, Степанъ сталъ стаскивать съ себя пальто, весело болтая въ то время съ братишками и сестренками. „Гдѣ же, Миша, мама?“

„Что же вы такъ въ темнотѣ сидите?“ — спрашивалъ онъ. „Мамка сѣно дастъ коровѣ, она сейчасъ придетъ. Хочешь, я сбѣгаю за ней?“ проговорила бойкая Мама.

Остальные окончательно отаковали старшаго своего брата: кто просилъ скорѣй дать гостинца, кто спрашивалъ про обѣщанныхъ конька и корову. Только другая дѣвочка, менѣе другихъ обрадованная приходомъ старшаго брата, сказала:

„Степа, а у насъ нынче нечего ужинать“. Всѣ какъ будто притихли. Эти маленькія головки уже знали, что такое нѣтъ хлѣба. Степанъ, сидѣвшій уже на лавкѣ, успокоивалъ дѣтей. „Я принесъ вамъ много, много ѣсть,“ — сказалъ онъ: „хотите?“ И вынулъ изъ узелка пару булокъ.

Всѣ дѣти тотчасъ же принялись за булки и молча ѣли; только неугомонный Вася, мальчикъ лѣтъ шести, все приставалъ къ брату дать ему обѣщаннаго конька. „Погоди, погоди баловникъ этакій, вотъ зажжемъ огонь, а то не видать ничего“, — сказалъ Степанъ.

„Мамка говорила, нечѣмъ зажечь лампу“ — проговорила Мама. „Какъ нечѣмъ?“ „Нѣтъ, нѣтъ, посмотри“.

Степанъ вставши, нашелъ на полкѣ небольшую лампочку. Она была пуста. „Керосина нѣтъ?“ „Да, да“ — кричали ребяташки.

„Вотъ грѣхъ-то какой,“ сказалъ онъ: „ну, посидимъ, подождемъ маму“.

Скоро послышались шаги въ сѣняхъ, и въ избу кто-то вошелъ.

„Мама! мама!“ — вскричали всѣ ребятишки, вскакивая со скамьи: „кто пришелъ-то, Степа, Степа!“ „Что вы тамъ?“ — отвѣтила мать.

„Мама“, — сказалъ Степанъ, подходя къ двери: „не чайли меня, поди, пришелъ погостить“.

„Сыночекъ ты мой!“ — кинулась мать на шею Степана, и они крѣпко поцѣловались.

„Мама“, проговорилъ онъ: „у насъ керосина нѣтъ, нужно сходить купить, я денегъ чемного принесъ“.

„Вотъ Миша сходить“. „Мишаня“, добавила мать: „сходи, сыночекъ, къ Трифону Сергѣевичу, купи гаску.“ А сколько, Степуша, купить-то?“ — спросила она.

„Да сколько въ бутылъ пойдеть?“.

„Фунта два“ — отвѣтила мать.

„Ну, вотъ и купи, погоди“, добавилъ Степанъ: „вотъ деньги возьми, да сдачи принеси“.

Миша схватилъ бутылъ и выбѣжалъ изъ дому.

„Ну, сыночекъ“, обратилась мать къ Степану: „не думала я, что придешь ты къ празднику... И то сказать, чтобы мы дѣлали безъ тебя, вѣдь хлѣбецъ-то весь вышелъ, занимала, занимала, ну, а тутъ и совѣстно просить стало. Ну, а ты какъ служишь? Какъ здоровье твое?“

„Здоровье, мама, слава Богу, и служу хорошо; начальство довольно мною, жалованья прибавить хотять за поведеніе и за честность. А я что, служу какъ слѣдуетъ, какъ совѣсть требуетъ“.

„Ну и хорошо, хорошо, Господь тебѣ поможетъ. Главное, не лѣнись и не груби никому; ну, да ты, я знаю, не обидишь

никого. Степушка, ужъ и рада я, что пришелъ ты“. Мать подошла къ сыну и снова крѣпко поцѣловала его.

„Ну и морозъ“, вбѣжа въ избу, сказалъ Миша и поставилъ бутылъ на лавку, — „кушилъ, мама, а вотъ и сдачи.“ Миша высыпалъ деньги въ руку Степана. Зажгли огонь. Мать хлопотала что-то у печки, а „гость“ съ ребятишками сидѣлъ на лавкѣ. Теперь можно было рассмотреть лица дѣтей. Самый большой (старшій) изъ нихъ, Миша, былъ мальчуганъ лѣтъ четырнадцати, живой, веселый, какъ и другіе его братья. Черные глаза, темные волосы, прямой носъ и вообще всѣ черты лица дѣлали его очень похожимъ на Степана. Меньше его, братишка, былъ лѣтъ десяти, но не такой живой и волосы его были не такъ черны, но зато очень большія уши отличали его ото всѣхъ и за что онъ былъ прозванъ „ушаномъ“, что ему крайне не нравилось. Его звали Петей. Самый меньшій изъ нихъ былъ Вася. Но, кромѣ мальчиковъ, были еще двѣ дѣвочки; одной изъ нихъ было лѣтъ восемь и ее звали Машей, а другой лѣтъ двѣнадцать. Первая была веселая, прыткая дѣвчурка, съ черными глазами, маленькимъ ротикомъ и тонкими губами, которыя всегда точно смѣялись. Но старше ея сестра, Катя, была совсѣмъ не похожа на своихъ братьевъ и сестру. Ея глаза были нѣжно-голубые (что, правда, немного было у маленькаго Васи), и они глядѣли не съ тою дѣтскою веселостью, а какъ-то печально и задумчиво. Она была съ молодыхъ лѣтъ угрюма; рѣдко можно было видѣть ее смѣющейся, и то это былъ скорѣй не тотъ дѣтскій, звонкій смѣхъ, а улыбка. Чертами же лица она много походила на Степана.

Что касается матери ихъ, то это была женщина уже пожилая, много испытывавшая на своемъ вѣку невзгодъ и лишеній. Оставшись съ малыхъ лѣтъ сиротой, она попала въ чужіе люди и оттуда семнадцати лѣтъ вышла замужъ. Но и замужемъ жизнь ея несладка была. Сперва, правда, нѣсколько лѣтъ они жили съ

мужемъ хорошо, даже достатокъ былъ во всемъ, но потомъ пошли дѣти, мужъ сталъ запивать, хозяйство пошатнулось. Наконецъ, мужъ слегъ въ постель и вскорѣ умеръ, а тутъ пожаръ истребилъ все, что было. Отца могъ замѣнить сынъ Степанъ. Трудно было Марьѣ (такъ звали мать Степана) въ эти года. Нужно было о всемъ радѣть и вездѣ поспѣвать: и дома хозяйство свое справиться, и поле обработать. Спасибо еще сынишка Миша да Катя хоть кой-что помогали, а остальные дѣти такъ малы были, что требовали еще за собой ухода да присмотра.

„А надолго, Степуша, пришьель-то? Чай скоро опять уйдешь?“ Спросила Марья сына. „Завтра мама вечеромъ нужно явиться, повѣду въ ночь съ № 5.“

„А я скучаю по тебѣ вотъ какъ“, сказала Марья. „И измаялся ты, Степуша. Ты-бъ отпросился хоть на недѣлку, а то нынѣ пришьель, а завтра опять на работу“.

„Нельзя, мама, да у насъ работа-то легкая, только и знаешь, что ѣздимъ; я и не измучался и не усталъ“, сказалъ Степанъ. „Ну, что ты говоришь, ты посмотри на себя, вѣдь смерть совсѣмъ“, сказала Марья.

„Забота, мама, все можетъ меня. Какъ вспомнишь, что у насъ есть!? Что будемъ дѣлать, если мнѣ откажутъ отъ мѣста? Ребятишекъ вонъ сколько! Нужно прокормить, одѣть“.

„И, Степуша, Господь дастъ, все будетъ у насъ... поправимся“, успокаивала мать. „проси Бога, онъ дастъ тебѣ все. Не унывай, посмотри сколько у меня заботъ; я не падаю духомъ, крѣплюсь; грѣхъ даже унывать. А мѣсто не откажутъ тебѣ, ты вѣдь говоришь, что начальство довольно тобой, а оно такими дорожить“.

„Мама, мама!“ кричалъ маленькій Вася, подбѣгая къ матери: „смотри, конекъ-то какой!“ Мальчикъ протянулъ рученку

съ бѣлымъ деревяннымъ конькомъ. „Играй, играй, милый“,—проговорила разсѣянно Марья.

„Ты бы прилежь, Степа“, обратилась она къ сыну: „а сейчас кой-что поѣдимъ, а нынче и печку не топила, варить-то было нечего“.

„Ничего, я пошелъ, поѣлъ, вотъ ребятишки“, сказалъ Степанъ, „пусть поужинають“. Ребятишки же въ это время, собрались всѣ около стола, на лавочкѣ, въ кружечъ и смотрѣли молча какую-то съ картинками книгу, привезенную Степаномъ Мишѣ. Изрѣдка лишь кто-нибудь спрашивалъ: „а это что?“ „У, какой большой пѣтухъ!“

Наконецъ, книга была просмотрѣна и дѣти, вздохнувъ, точно только-что исполнили какое-нибудь трудное дѣло, зашумѣли. Маша подбѣжала къ матери и съ жаромъ рассказывала ей о книгѣ и картинкахъ; Вася и Петя, забравшись въ самый уголь, о чемъ-то спорили между собой, а Миша и Катя слушали, сидя, Степана, который рассказывалъ имъ о поѣздахъ и о городѣ, въ которомъ онъ недавно былъ.

Псаломщикъ *В. Пр—овъ.*

(Продолженіе будетъ).

Отъ Ректора Императорскаго Варшавскаго Университета.

Объявляется, что, согласно разрѣшенію Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ началѣ 1909-10 академическаго года воспитанники православныхъ духовныхъ семинарій, окончившіе 4 и 6 классовъ, принимаются въ Варшавскій университетъ на слѣдующихъ условіяхъ:

- 1) безъ экзамена—имѣющіе въ аттестатахъ не менѣе 4 въ общемъ выводѣ по общеобразовательнымъ предметамъ (русскій яз., древніе языки, математика и физика) при удовлетворительной отмѣткѣ по одному новому языку (фр. или нѣм. яз.) на факультеты: историко-филологическій, юридическій и медицинскій;
- 2) по экзамену при университетѣ по математикѣ и физикѣ тѣ же воспитанники на физико-математическій факультетъ;
- 3) по экзамену при университетѣ по математикѣ, физикѣ и одному новому языку на все факультеты окончившіе 4 и 6 классовъ и неудовлетворяющіе требованіямъ п. 1-го.

Документы подаются до начала занятій въ университетѣ.

Содержаніе. Отдѣлъ неофициальный. I. О лицѣ Іисуса Христа. (Продолженіе). II. Апостольскія посланія. (Продолженіе). III. О Евангеліяхъ. (Продолженіе). IV. Какое добро для прихода можетъ сдѣлать христіански-просвѣщенная матушка? (Продолженіе). V. Жертвы. VI. Отъ Ректора Императорск. Варшав. Университета.

Временно и. об. Редактора, препод. Сем. А. *Веселовскій*.

Цензоръ, Протоіерей *Петръ Успенскій*.